

Сергей К. Данилов

*Комета
Магницкого — 2*

Сергей Данилов

Комета Магницкого – 2

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Комета Магницкого – 2 / С. К. Данилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852255-0

Ранние годы Магницкий провёл в детдоме, юность в общежитиях, молодость — то в евро-квартире, то в строительном вагончике. Трудовой путь героя вполне обычен: от научного сотрудника до уличного продавца мороженого. Пробиваясь сквозь препоны бытовых неурядиц, кои судьбоносная планида во множестве подбрасывает человеку, он старается не упускать из вида заветный, почти сказочный образ семейного благоустройства, изобретённый ещё на детдомовских задворках.

ISBN 978-5-44-852255-0

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

1. Один дома	6
2. Букет для первой встречной	9
3. Тромбонист на палубе Титаника	13
4. Ученик с винтовкой	17
5. Дёргаем в Новую Зеландию?	20
6. Четверть в подполье и Карузо под кроватью	30
7. Лезь, сынок, там твоя законная жилплощадь	37
8. Такие женщины всегда всем нужны	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Комета Магницкого – 2

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2255-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Один дома

Шесть лет спустя

Он попробовал раскачаться, чтобы выбраться из старой кровати с провисшей сеткой, но сразу стукнулся об пол и открыл глаза.

Со вчерашнего вечера ничего не изменилось.

Две дамы приветливо смотрели на него, стоя в большой светлой комнате возле тумбочки с фикусом и та, что повыше, с вуалью на шляпке, была замечательно хороша собой, особенно красивы чистые глубокие глаза, в которые вчера вечером перед сном Виктор долго смотрел, отдавая должное качеству фотографии столетней давности на выцветшем полотняном коврике над кроватью.

Кем являются прекрасные незнакомки, он до сих пор не знал, несмотря на двухмесячные розыски в пыльных шкафах и сундуках.

Меж тем с большой долей вероятности можно предполагать, что по крайней мере одна из них имела непосредственное отношение к этой комнате и самой кровати, на которой теперь спит он. Возможно, то была её собственная кровать (дамы с вуалькой), во всяком случае, очень бы хотелось на это надеяться. Тогда старая рухлядь делалась несколько приятнее в использовании.

Стоит повторить попытку катапультирования из провисшего гамаком лежбища. Он поднял ноги, отвёл назад, насколько было возможно это сделать, находясь в данном положении, после чего резко распрямился, воспарив над железным краем койки в стиле Фюсбери (вниз глядеть строжайше запрещено), в конце продолжительного полёта сгруппировался и аккуратно брякнулся на корточки посреди комнаты, мысленно себе рукоплеща.

Беда лишь в том, что пол не совсем чист.

Противником в борьбе за чистоту жилища выступал дощатый нештукатуреный потолок, разошедшиеся от старости доски которого имеют щели шириной в палец, и оттуда напрямую с чердака сыплются иногда сухие кусочки древесины, частицы пыли и шлака, покрывая собой крашенные доски пола и все прочие поверхности спальни мелким едким мусором. Проедет по улице тяжёлый грузовик – стены в такт содрогнутся, а сверху – п-ш-шш – сыпнёт за шиворот горсть сухой гадости.

Коврик возле кровати отсутствует. То есть он лежал здесь ранее – плешивый кусок, криво отрезанный от большого персидского ковра, но ему не повезло: слишком пропах лекарствами и старческой беспомощностью, что заставило расстаться с ним сразу же, преодолевая, во-первых, счастливую леность упоительных майских дней, объявшую Виктора после того, как он переехал в этот дом, а во-вторых, и ещё одно совсем уж непонятное внутреннее чувство, запрещающее почему-то нарушать сложившийся местный порядок вещей. Новый хозяин вынес его в мусорный бак вместе с ведром пустых пузырьков и ампул из-под лекарств. По сути, коврик стал единственным предметом, который он выбросил после приобретения данной недвижимости в тихом центре города.

Итак, коврика нет, зато есть комнатный рояль, возле которого он только что приземлился. Эта дореволюционная рухлядь задвинута в угол до упора, и тем не менее занимает почти половину площади комнаты.

Стены, как и потолок, не штукатурены, сложены из потемневших во времени, блестящих, как стекло, листовенных брёвен. Рояль неисправен, но если поднатужиться и открыть заклинившую крышку над клавиатурой, с обратной стороны можно разглядеть медную табличку фирмы «Шрёдер». Да-с, вот собственный комнатный рояль, просим любить и жаловать. Опять же нет комнатных тапочек.

После четырнадцати лет детдома, трёх – интерната и почти пятнадцатилетнего обитания по общежитиям всё имущество удалось запихнуть в два не очень больших чемодана, которые нынче сиротливо прячутся под роялем. Тапочки упустил из вида. Когда опомнился и побежал за ними вприпрыжку, оказалось слишком поздно: стоптанная пара обиделась, ушлёпав невесту куда длинными коридорами университетского общежития.

Да бог с ними, с тапочками, просто чудо, что удалось купить этот домик. Виктор радуется и не может нарадоваться тишине и тому, что он здесь совершенно, абсолютно, невообразимо один!

Один! Один!! Наконец-то один!!!

Функцию тапочек исполняют каменные от древности кирзовые сапоги, похожие на ботфорты, с голенищами, сношенными в гармошку, доставшиеся в наследство от прежних хозяев. Он шаркает в них повсюду: по саду, на кухне, а часто проходит даже в комнаты.

Солнце проникло сквозь тёмные двойные рамы с пыльными, много лет не мытыми стёклами, ставшими от этого буро-зелёными, цвета жигулёвского бутылочного стекла. Создаётся неверное впечатление, будто погода на дворе пасмурная, на самом же деле сейчас, в шесть часов утра, уже очень жарко, на поляне перед домом благоухают цветы, а от зарослей черёмух, яблонь и сирени приятно тянет сыроватой ночной свежестью.

Наступившее утро представляет на выбор несколько вариантов деятельности: можно выйти сад и позагорать там часиков до десяти, благо именно в это время практически нет комаров, можно сделать физзарядку, или совместить и то, и другое, а можно просто сесть пить чай.

По тёмным стенам мелькают солнечные зайчики – действует вечный двигатель, стоящий на подоконнике за окаменелым кактусом. Физический прибор на деревянной точёной подставке, покрытой облупившимся лаком, что-то вроде миниатюрной мельницы с крыльями, запаянной в стеклянную колбу. Пропеллер пускает хороводы солнечных зайчиков, освещая ими брёвна стен, кровать, рояль, стол, два стула, шкаф с книгами, на него можно смотреть часами, а он работает и работает. Безостановочно, завораживающе.

Старый радиоприёмник в доме не говорит, телевизор не показывает, рояль не играет, только вечный двигатель действует легко и просто, как ему и положено, отчего кажется странным решение Французской Академии наук трёхсотлетней давности о не рассмотрении изобретений вечного двигателя. Вот же он, под рукой.

Повсюду очень много ветхих книг. Те, что не помещаются в шкафах, все в ужасающем состоянии: лежат на столе, на рояле, под столом, под роялем, в сыром углу за кроватью свалена целая куча старинных учебников, над которыми витает стойкий запах плесени.

Для него по-прежнему весьма странно и непривычно, что и стены, и мебель, и книги – это рассыпавшееся гнездо неизвестного, ушедшего навсегда в небытие мира, стало вдруг его собственным. Отчего невозможно не задавать себе вопросы: кто они, люди жившие здесь, чьи фотографии остались висеть на стенах и таиться в темноте ветхих альбомов, в конце концов чьи сапоги он только что надел?

Градусник на крыльце показывает 25, летнее утро в разгаре.

Зачерпнув лейкой тинную воду из бочки, приступил к поливке. Спёкшаяся земля цвета остывшего пепла не приемлет жидкость, отчего та, дробясь на мелкие грязные шарики, ртутью катается по пыльной поверхности.

По мере того, как наливается большая лужа, почва вспоминает наконец о своём материнском предназначении, начинает всасывать воду с чавканьем, хрюканьем и даже каким-то невыразимым утробным гугоркотаньем, пуская пузыри. Так пьёт сдыхающий от жажды верблюд после многодневного перехода через пустыню.

Магницкий таскает лейку за лейкой. Опьянённые обилием влаги цветы теряют устойчивость – валятся как подкошенные, но всё равно пьют, пьют, уже не корнями, а стеблями, листьями и даже пестиками и тычинками.

День предстоит жаркий.

– Солнце не встало, а в Стране Дураков уже кипела работа, – раздался задорный женский голос. Створки окон на втором этаже соседнего дома открыты, в комнате у подоконника стоит Тамара в голубом купальнике, с ленточкой на лбу, сзади волосы стянуты в тугий узел. По утрам она занимается аэробикой, и для своих сорока лет выглядит весьма свежо.

Магницкий отсалютовал пустой лейкой:

– Нам зарплаты не надо, нам работу давай!

Большая сонная ворона, хлеща крыльями по веткам, тяжело выбралась из бурелома в глубине сада, где провела ночь, раздражённо каркая и низко лавируя между ветками, кое-как преодолев дальний забор, улетела в Марьину рощу.

Воронье карканье и посвящённый ей собачий переполох в роще разбудили обитательницу зооуголка ослицу Берту, которую Магницкий слышит каждое утро и каждый вечер. Когда Берта прерывает на минуту свою арию, чтобы набрать побольше воздуха для следующего куплета, доносится, насколько энергично проделывает па неустомимая Тамара.

Разделавшись с клумбочкой у крыльца, не меняя униформы, Виктор вышел на улицу, где принялся за поливку кустиков сирени, калины, черёмухи, высаженных на узком газоне перед домом. Все они принялись, но без утренней порции свежей водички чувствуют себя днём крайне неуютно меж двумя горячими асфальтовыми лентами тротуара и дороги.

Часы показывают половину седьмого, пора закругляться с садовыми работами да идти пить чай.

Солнце вскарабкалось поверх деревьев над центральной поляной сада. Тени от черёмух быстренько ретировались куда подальше в заросли крапивы и одичавшей малины, где под листьями, в траве скрылись от наступающей дневной жары несметные полчища комаров.

Пассажи Тамары скоро надоели проснувшейся старухе Савраскиной, живущей этажом ниже. Её окна не видны Магницкому за соседским сарайчиком, но голос свеж и потрясающе силен. Должно быть, пенсионерка подошла к форточке и обратилась непосредственно к небесам:

– Всю ночь напролёт пьяницы спать не давали, теперь эта кобылица содомская ни свет ни заря гарцует. Боже мой, боже, ну за что такие муки адские пожилому ветерану труда?

2. Букет для первой встречной

Тамара с треском захлопнула окно.

Окрестности окончательно проснулись. Где-то за черёмухами заплакал ребёнок, не желающий расставаться с мамой ради коммунальной жизни в детском саду. Магницкий его отлично понимал, сочувствовал, но помочь решительно ничем не мог.

Доска в заборе отошла в сторону, из дыры появилось вопрошающее тамарино лицо:

– Можно у тебя в саду попрыгать? Савраскина такую бучу вечно поднимает... Здесь комаров тучи, поди? – с опаской нахмурилась на заросли крапивы.

Виктор поспешил успокоить:

– У них сонный час до вечера, прыгайте на здоровье.

Оставив Тамару наедине с ритмичной аэробикой, возвратился на кухню, пятьдесят процентов объёма которой занимает русская печь, точь-в-точь на такой путешествовал Емелюшка-дурачок.

Усевшись перед окном в кресло, от сиденья которого осталась грубая мешковина с лохмотьями какого-то мочала, налил чаю и, закинув сапоги на подоконник, окинул взором сад, где сосредоточенно машет конечностями Тамара.

Энергетические волны расходятся во все стороны концентрическими кругами, так что даже на сравнительно большом удалении возникает воодушевление и стремление сотворить нечто полезное для себя и общества в целом, и это несмотря на то, что клумбочка отлично полита, а никакая другая работа не входит в его сегодняшние планы.

Хотя именно о ней, о работе он только что думал, о работе, за которую платили бы хоть какие-то деньги. Нет, никто не спорит, было бы в высшей мере замечательно, если за хорошую работу платили хорошие деньги, но в принципе он согласен и на работу так себе, вот только где её взять? О эти глупые, сладкие мечты о хорошей работе, они так расслабляют, так ублаживают, что когда-нибудь точно доведут его до депрессии. Конечно, не сегодня.

Тамара просто молодец, как трудится, а? Продавщица овощного магазина, сорок лет, незамужняя мать взрослой дочери, учащейся железнодорожного техникума, обитательница казённого дома с общей кухней на весь этаж, обруганная с утра пораньше соседкой снизу, танцует аэробику. По сравнению с ней Магницкий – богач, приобретший вместе с частным домиком дополнительное наследство: чашка, заварник, сам чайник – всё осталось от прежних хозяев. Даже банку со смородиновым вареньем он нашёл в кладовой на полке, к сожалению, варенье катастрофически быстро тает.

По причине полного отсутствия денежной наличности вместо индийского или цейлонского чая Виктор заварил смородиновые листья. Вообще-то, если выкинуть из головы дурацкие мысли о деньгах, жизнь сразу становится прекрасной.

Он пьёт чай, по хозяйски развалившись в собственном кресле, пусть из старой треснутой чашки, но при этом в его саду энергично танцует женщина. Немного не хватает мраморных купален, фонтанов, роз, хоть в более простых цветах недостатка не ощущается, а поляна перед домом заросла всевозможными травами, напоминая нетронутый человечеством первозданный луговой пейзаж.

Вот, кажется, и всё, утренний шейпинг закончен. Тамара подхватила магнитофон, но почему-то снова опустила его в траву, глянула задумчиво в сторону дома и... направилась по дорожке к крыльцу.

Поздняк метаться, карапузики.

Соседка уже заходила в гости, посему Магницкий не стал хвататься за веник, лишь кирзовые сапоги спрыгнули с подоконника.

– Я к тебе на минутку, спасибо сказать.

– Пожалуйста... чай будешь?

– На работу пора, магазин открывать. Ещё не выбросил старьё? Хочешь, помогу?

– А... есть-пить не просит, пусть себе стоит.

Тамара заглянула в комнату, которую Магницкий про себя называл столовой, здесь располагаются колченогий стол, обшарпанный столетний буфет, испорченный телевизор, зато стены и потолок не только оштукатурены, но и побелены.

– Много ещё в городе вот таких квартир из прошлого века сохранилось. Я бы на твоём месте рухлядь выбросила к кузькиной матери, купила современную обстановку, мягкую мебель, так-то домик ещё ничего, лет двадцать отстоит, не рухнет. – Смело шагнула в спальню. – Вот здесь бабулька и спала, на этой кровати. Слушай, скажи честно, как по утрам из нее выбираешься? Помаленьку, да? Тебе ведь на работу бежать не надо сломя голову. Работу не нашёл? Я могу переговорить с заведующей. У нас один грузчик запивается, его уволят, пойдёшь?

– На чужом несчастье счастья не построить.

– Просто удивительно, как она могла вылезать из этой люльки, да ведь? Ну-ка, попробую.

Хлопнулась спиной в кровать, и, конечно, ударилась об пол:

– Ой, мамоньки мои, копчик отбила, слушай, предупреждать же надо!

Магницкий протянул руку помощи.

– Нет, сама. Расскажи, как ты выпрыгиваешь?

– Очень просто. Ноги вверх!

– Нахал!

– Методику объясняю! Поднимаешь ноги, не сгибая в коленях, заводишь назад как можно дальше, вот туда, сильнее... хорошо. Далее резким движением надо выстрелить из сжатого положения... стой...

Не успел объяснить до конца, как обладательница тренированного брюшного пресса взлетела почти вертикально, зависнув спиной над железным краем кровати.

Пришлось по-волейбольному сообщить телу дополнительное горизонтальное ускорение, благодаря которому оно благополучно пролетело ещё полметра и плюхнулось на не вполне чистый пол, рядом с музыкальным инструментом, сделанным из очень твёрдых пород дерева.

– Извините...

– Учти, – Тамара отряхнула ладони и колени от мусора, – приду к тебе в следующее воскресенье мыть пол, если до этого не приберёшься.

– Постараюсь, – не слишком испугался Виктор, бережно сопроводив соседку к выходу.

С крыльца проследил, как она, убыстряя шаг, заспешила по дорожке, подхватила магнитофон, и, легко увёртываясь от разлапистых объятий мужеподобной крапивы, элегантно исчезла за доской забора.

Помахав на прощание, возвратился к насиженному креслу, не без удовольствия вновь забросил сапоги на подоконник, продолжив необыкновенно приятное утреннее чаепитие в полнейшем одиночестве.

Солнышко основательно прогрело большую часть сада, цветы на поляне обсохли от росы, над ними закружили десятки бабочек. Крылатые гурманы неторопливо, со знанием дела перелетали с цветка на цветок в поисках нектара. При виде столь умирительной картины его посетила первая за утро идея собственного трудоустройства.

Вообще-то за день в голове мелькает до двух десятков лучших или худших идей, на обдумывание всех их скопом Магницкий тратил минут пятнадцать времени. Хорошо известно, что самые плохие идеи являются, когда человек голоден. Тогда просто хочется пойти на ближний гвоздильный завод с паспортом и трудовой книжкой да устроиться каким-

нибудь контролёром ОТК, вот только денег на заводе не платят принципиально, отоваривая трудодни в буфете белым хлебом и засахаренным кизилевым джемом. Полгода ударной работы – и диабет обеспечен.

Немного лучшие по качеству идеи рождаются, если испить чая со смородиновым вареньем и прийти в удовлетворённое жизнью состояние, вроде нынешнего.

Ах, с юных лет ему нравилось знать, что где-то на чудесном острове Борнео существуют профессиональные ловцы бабочек, которые продают свой экзотический товар туристам и коллекционерам за весьма приличную цену. В детстве он мечтал оказаться с сачком вне детдома на этом дивном острове, среди пышных джунглей, далеко-далеко в тропиках, посреди голубого океана. Изумительная голубая лагуна, великолепный белый песок, и никого... кроме бабочек, разумеется.

Так вот, почему бы ныне, пусть не на Борнео, а в родном саду не заняться этим самым сачковым бизнесом в мире? Что у нас числится на балансе?

Сотни порхающих бабочек. Пошить из старой марли сачок не составит труда, после чего можно сразу идти на поляну сачковать. Почти Борнео! А словив десяток штук, тут же, свеженькими, с пылу с жару отнести на ближний энтомологический базар да продать удивительно редкие экземпляры коллекционерам. Виктор абсолютно уверен, что таких шикарных крапивниц, как у него, нет на сто вёрст вокруг, потому что нигде нет такой замечательной махрово-жгучей, густой крапивы. Стороннему соседскому наблюдателю кажется, что не крапива это, а целый ельник. Выше человеческого роста вымахала!

Но что-то слишком сильно размечтался, особенно про базар.

Товара много, самого наилучшего, а как обстоит дело с коллекционерами? На местных аборигенов надежды нет, наверняка ловят сами, значит, надо искать заграничных.

К сожалению, западных туристов на местных улицах тоже не густо.

И те, что есть, всё народ сверх меры занятый по своему штатному религиозному профилю. Слабенько тренькают на гитаре, подпевают друг дружке как могут что-то малопонятное, притоптывают на сцене, и таким чудным способом проповедуют слово господне в Доме Пионеров юным атеистам, заманивая их конфетами, кои не слишком-то щедро, по счёту, раздают при завершении такой смешной службы. Нет, не тот иностранный контингент пошёл. Того, который создал бы постоянный, обеспеченный долларами спрос на рынке здесь нет.

Облизав банку со смородиновым вареньем, путём несложных умозаключений пришёл к неутешительному выводу, что если таковой и существует, то самый что ни на есть минимальный, в противном случае детки, подрабатывающие у водопроводных колонок мытьём автомобилей, давно бы побросали свои пластиковые вёдра и в одночасье избавили его уголья от летающих вредителей. Что ни говори, а дети – самый чуткий индикатор на ниве малого бизнеса. Не то. Не то, Виктор.

Или пойти наняться преподавателем информатики в школу для слаборазвитых, которые не так сильно курочат технику, как развитые? Пожалуй, где-то в глубине души он созрел для подобного героического шага. К сожалению, даже такие смешные вакансии отсутствуют на щите местного бюро трудоустройства, когда в карманах, как назло, закончились не только тысячерублевые бумажки, но и сотки, эквивалентные прежним копейкам.

Настала пора подыскать себе что-нибудь приличное, какую-нибудь службу, дающую пусть небольшой, зато постоянный доход. Здорово звучит: постоянный доход.

Магницкий повторил вслух словосочетание несколько раз, дабы стены его жилища мистическим образом были в курсе того, о чём в глубине души мечтает их хозяин, и в случае чего содействовали.

Али выстроить в саду временный шалашик? Переселиться туда на летнее время, а свою доисторическую койку сдать абитуриентам, что вот-вот должны приехать поступать в университеты?

От очередной идеи отмахнулся сразу, припомнив, сколько в саду комаров: гибельный вариант.

Что у него ещё есть кроме комаров, стен и бабочек?

Если смотреть из окна кухни в сад, то прямо по курсу развалины большой углублённой в грунт бревенчатой теплицы с кирпичным фундаментом. Для выращивания ранних огурцов потребуется немалое количество капиталов, которые неоткуда привлечь, так, это раз, идём дальше: черёмуха ещё не поспела, смородина с малиной тоже. Крапива, кругом одна перво-сортная крапива.

Ранней весной из неё получился бы неплохой супчик.

Вдруг он подскочил и, громыхая сапогами, бросился в сад, туда, где недавно в густой крапиве обнаружил несколько кустов пионов, грозившихся вот-вот расцвести.

Палкой раздвинул крапиву и обалдел от восхищения: нигде и никогда не видел таких огромных тёмно-красных, почти чёрных, распутившихся цветов. Душа немедленно воспела гимн солнцу при виде чуда, запросила романтических и сумасбродных поступков. Например, выйти на улицу и подарить букет первой встречной девушке. А что? Откроет калитку и вручит. Легко представить, как той будет приятно. Должен хоть кто-то в этом мире делать людям приятное. Наверное, сегодня его очередь.

Сломил семь чудных веток с полураспустившимися бутонами, поболтал их в бочке, смывая нахальных муравьёв, и затаился, поджидая прекрасную незнакомку.

Незнакомка не заставила себя долго ждать. Почти тотчас по асфальту застучали её каблучки, приближаясь со скоростью курьерского поезда. Не вполне ясный, но очень обаятельный образ забрезжил в сознании. «Во всяком случае, – подумал он, – эта дама не пенсионного возраста», – после чего резко отворил калитку и вместе с букетом смело шагнул вперёд.

На полном скаку в него грудью, по-кавалерийски врезалась Тамара.

– Ой! Напугал до смерти, чуть кондрашка не чокнула. Нет, правда, утром я всегда боюсь... ой, даже сердце поперхнулось... на улице-то никого, а у меня в сумочке ключ от магазина. Это мне? Красотища какая. Ну, спасибо, домой не понесу, возвращаться – удачи не будет, на работе поставлю, скажу нашим бабам: «Вот, мне мужчина сегодня с утра пораньше преподнёс!». Умрут бедолаги напрочь. «За что?» – спросят, а я им: «Догадайтесь с одного раза». Знаешь, нам хороших яблок привезли, китайских, тебе отобрать каких получше? Есть капуста скороспелая, приходи, отпущу по оптовой цене без наших магазинных накруток.

Тамара умчалась дальше, а Виктор вернулся к пионам в крапиве: жажда благотворить после первого, не вполне успешного опыта отнюдь не иссякла.

3. Тромбонист на палубе Титаника

Что если сходить на предпоследнюю работу, в Информационное Бюро, где у него когда-то было приличное место ведущего программиста, неплохая по тем временам зарплата, да проверить, насколько близки к истине слухи о том, что бюро после многократных сокращений закрыли совсем? Возможно, кто-то выжил, если верить тому, что в природе ничто не исчезает бесследно?

На этот раз цветы пришлось срезать и белые, и красные, погладить рубашку, надеть приличные белые штаны и даже завязать галстук, от которого напрочь отвык за два года, проведённых у Жаркова на стройке капиталистического завода.

Галстук – несомненное излишество по такой жаре, но душа настоятельно требовала праздника, и вот, оглядев себя в старом, изъеденное чёрными пятнами зеркале, он нашёл, что вновь приобрёл черты ведущего специалиста в области программирования, хотя бы чисто внешние. Будто не работал сварщиком, бетонщиком, землекопом, и не продавал в январские морозы на улице мороженое «Пингвин». Для полного соответствия недурно подстричься, но на текущий момент это чрезмерная роскошь для его пустого кошелька, и, кстати, неплохой эффект даёт элементарное подравнивание висков электробритвой.

Интересно знать, остался ли там кто-нибудь?

На дверях сверкали десятки табличек с названиями страховых обществ, юридических консультаций, оптовых фирм. Жизнь в них бурлила ключом: раздавался смех, шумели ксероксы, факсы лениво сплёвывали бумажные листы, секретарши бегали с пластиковыми чайниками за водой для томимого жаждой начальства, однако Информ-Бюро никому из них не было известно. Никто не мог сказать о нём никакого слова, ни хорошего, ни дурного. Оно кануло в Лету бесследно, не оставив даже расходящихся кругов, оказавшись абсолютно ненужным, как социалистические принципы ведения хозяйства.

Единственным памятником недавнему славному прошлому, который смог отыскать Виктор внутри здания, было стоящее в тёмном углу коридора на третьем этаже разуконплектованное печатающее устройство, ужасно громоздкое и несовершенное по нынешним временам, к тому же чересчур неподъёмное, чтобы кто-то теперь его за здорово живёшь взялся вытащить с третьего-то этажа, да по крутой узенькой деревянной лестнице! А Виктор прекрасно помнит, как, надрываясь, бережно тащили наверх! Как бы не стукнуть, как бы не сломать!

Жутко печальная картина.

Провёл пальцем по стеклу, оставив след на толстом слое пыли, и, вздохнув, принялся писать скромную эпитафию: «В данном помещении трудился сплочённый коллектив Бюро...». В конце, как подобает: «ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ».

Осталось возложить цветы на скромное надгробие. Полюбовавшись так и эдак, остался доволен производимым эффектом.

Рядом с памятником на двери значилась табличка «Директор». Просто, без всяких там сопроводительных дифирамбов в стиле «ООО» или «ЛТД», допотопная советская табличка без глянца – бронзой по чёрному фону, для внутреннего потребления.

Неужели беспримерный Леонид Андреевич до сих пор пребывает здесь, как последний, самый высокорослый тромбонист оркестра на палубе тонущего «Титаника», и знает выводит прощальную мелодию, стоя по горло в ледяной воде?

От таблички за версту несло сюрреалистическим бредом. Казалось, стоит отворить дверь, обрадованный директор схватит за рукав и скажет, немного заикаясь: «А не-не

хочешь ли ты сегодня, Виктор, п-пп-пойти на стройку отработать ещё один денёк? По-последний раз?»

Не без мистического трепета посетитель дёрнул ручку на себя, ощутил запах дорогих духов, кофе, и действительно увидел остатки прежней мебели директорского кабинета.

Впрочем, в былые времена директорский кабинет находился в другом месте, а здесь располагалась комната программистов с небольшим машинным залом для мини-ЭВМ вон за той дверью. Судя по внутреннему убранству можно предположить, что тут не только выжили, но как бы даже процветают, хотя, конечно, без великого и могучего Леонида Андреевича, по непроверенным слухам, давно отчалившего в Москву.

Скромная прежде комната сплошь заставлена офисными шкафами, мягкой кожаной мебелью, на столах красуется парочка очень приличных компьютеров.

Для мини-ЭВМ требовалось отдельное помещение с кондиционером, поддерживающим необходимые температуру и влажность, штат инженеров-электронщиков, программистов, снабженцев, бухгалтеров и начальства. Сколько народу крутилось, приятно вспомнить! Магницкий прислушался и почувствовал, как кольнуло сердце – до боли знакомый шум нёсся из-за дверей. Неужели ещё работает?

Забрав с несостоявшегося памятника цветы, сдул с них пыль, и, пряча за спиной, проник в кабинет со скромной грацией интеллигентного человека, входящего в баню с берёзовым веником и уже осознавшего, что забыл дома помывочный талон.

В кабинете директора находился один-единственный человек: у окна стояла высокая элегантная шатенка в белом костюме, говорившая по телефону.

Вежливо, и от того не менее непреклонно требовала со своего абонента возврата некой суммы, а тот, судя по всему, вертелся на другом конце провода как уж на сковородке, изо всех сил пытаясь отсрочить расставание с оной.

В огромное раскрытое окно влетал ветерок, было в кабинете необычайно солнечно. Смешно дожидаться от подобной женщины, что она вдруг подойдёт к вам и положит голову на грудь, не стоит даже надеяться, и тем не менее Магницкий ощутил вдруг давно позабытую радость жизни. Да, это не Пума, но так хороша!

Немного досадно, что элитная женщина выше его как минимум на пару сантиметров, а каблук её босоножек, увы, совсем низкие. Полуобернувшись, она рассеянно кивнула, знаком предлагая садиться. Зачарованный Магницкий остался стоять, нервно крутя за спиной букетом, словно хвостом.

Да встречал он её прежде, и многократно, почти каждое утро, несколько лет назад, приходя на работу в Бюро, но в той прежней жизни почему-то никогда не замечал привлекательности, возможно, её тогда просто не было?

Изумительная женщина, словно сошедшая с обложки рекламного модельного журнала, числилась по штату инженером Олей, девушкой вполне обыкновенной, да и знаком он с ней не настолько, чтобы сейчас развести руки для объятий и воскликнуть: «Сколько лет, сколько зим!»

– А, здравствуй, здравствуй, – сказала, положив трубку на аппарат, хозяйка кабинета, сама выбирая товарищеский стиль общения, – каждый день кто-нибудь навещает, очень хорошо, проходи, гостем будешь.

Магницкий приободрился, вручил цветы:

– Мне рассказывали, что контора пошла ко дну, но теперь вижу, что это неправда. Поздравляю.

– Спасибо. Роскошные пионы. Сейчас поставим в вазу.

– Дела идут неплохо?

– Никуда они не идут, эти дела, откровенно говоря: договоров новых нет, прежние ушли или собираются уйти. Собственно, всё предприятие сжалось до размеров одной ком-

наты и одного человека. Я и директор, и бухгалтер, иногда мою пол, значит, и уборщица на общественных началах. Ну, а ты как? Если не секрет?

С некоторых пор на столь прямые вопросы Виктор Фёдорович отвечал с неизменно широкой улыбкой:

– Преподаю. Немного.

Она оживилась и, кажется, обрадовалась за него:

– Здорово. А где?

– Чаще на дому у клиентов. Репетирую школьников по информатике, математике. На хлеб хватает, при желании и рекламе, разумеется. Но хочется большего, кстати, имеются практические идеи.

– Большого хочется всегда. Давай пить кофе? Если есть реальные деловые предложения, выкладывай. Только, чур, торговлю не предлагать. Я уже пробовала торговать с машины мужскими ботинками, очень не понравилось, и возвращаться к этому не хочу.

– Торговал мороженым с лотка прямо на тротуаре, испытываю те же искренние чувства. Может быть, следует слегка изменить курс? Пойти в другие широты?

– Не знаю только, куда, – усмехнулась Ольга. – Даже имея на руках живое предприятие без долгов перед налоговой инспекцией, красивую печать, автомашину «Москвич» на ходу, пару компьютеров и несколько бухгалтерских программ по зарплате и балансу.

– Продажа бухгалтерских программ отпадает. Сегодня каждый второй бывший программист дилерствует, продавая свои и чужие наработки. Если не берут, отдаёт просто так. К тому же скоро 1-С задавит всех.

– Кое-что кое-кому продать, конечно, можно, сугубо по мелочам, в кредит и за бартер. Я тут думала начать издавать газету с информацией о ценах на товары и услуги. Дело в том, что к нам по телефону многие обращаются с просьбой их рекламировать, и даже из других городов звонят, их обманывает наше название. Как считаешь, может, попробовать?

– Кто будет покупать новую многотиражку, если по субботам толстенную «Рекламу» в тридцать шесть страниц бесплатно во все почтовые ящики распахивают? Да ещё «Баранолку» по четвергам. И тоже бесплатно, с программой телепередач на неделю.

– Рекламодатели должны платить, но ты меня расстраиваешь.

– А давай займёмся недвижимостью? У тебя прекрасные манеры современного менеджера, офис в центре, машина. У меня права на владение автомобилем. Напишу программы по ведению базы данных с информацией о квартирах, садовых участках, гаражах, и даже погребах, если потребуется, обеспечу сбор, обновление и выдачу информации. Нужна, к примеру, человеку квартира на Третьей улице Строителей не дороже 70 миллионов, делаем запрос в базу данных – пожалуйста, списочек, не бесплатно, конечно, тысяч за пятнадцать. Я уже чувствую, от клиентов не будет отбоя, городской спрос приберём к рукам.

– Смею напомнить, что контор по торговле квартирами куда больше, чем торговцев бухгалтерскими программами. В программировании надо хоть что-то немножко соображать, а специалистом по жилью у нас считает себя каждый обитатель сарая.

Виктор поперхнулся последним глотком кофе. Не целясь, она угодила прямо в точку. В конце концов, у него в голове одна из утренних голубоватых идей, витающих под разошедшимся потолком, а предприятие с гербовой печатью, машиной и компьютерами у неё. Ясно, кто принимает решение.

Ольга – деловая женщина, близкая к банкротству, несмотря на всю свою презентабельность, шарм, ум и эти небесные глаза, а он – вообще безработный с пустыми карманами. Единственным удачным предприятием последних лет стало приобретение развалюхи, где можно приклонить непутёвую голову.

Вспомнив о неоспоримой и бесценной своей удаче, Магницкий не мог не порадоваться в очередной раз. Про абстрактную недвижимость решил более не заикаться.

– Кстати, Денис окончил институт?

Её взгляд бесстрастно сконцентрировался на перламутровых ногтях.

– Да, у него сейчас своё дело. Но вообще-то... мы живём раздельно.

– Ясно, – преувеличенно бодро констатировал Виктор. – Спасибо за кофе и радушный прием. Ну, мне пора заниматься с учениками. В нынешней ситуации это самый надёжный вид бизнеса: «Делай, что умеешь, – как говорят на радио БИ-БИ-СИ, – и что нужно кому-то. И успех неминуем».

Они расстались, приветливо кивнув друг другу, почти деловыми партнёрами.

4. Ученик с винтовкой

От своего вранья про успех Виктор бежал очень быстро.

К тому же действительно пора было переходить на лёгкий бег: единственный летний ученик Стас жил на конечной остановке троллейбуса. В августе у него переэкзаменовка, Виктор занимается с ним три раза в неделю по два часа. За каждый час получает пять тысяч ровно, итого в месяц набирается сто двадцать. Имей он ещё парочку таких учеников, и хлеб с маслом был бы каждый день, но пока Стас – единственная надежда и отрада.

Тысяча уйдёт на троллейбусные талоны, итого останется девять. Свой проезд туда оплатить нечем, придётся ехать зайцем. За четыре остановки до пункта назначения в салоне появился недовольный жизнью и окружающими гражданами контролёр, пришлось катапультироваться раньше времени и основательно поторопиться, чтобы вовремя взбежать на пятый этаж по грязной замусоренной лестнице и позвонить.

– Кто там? – буркнул микрофон.

– Репетитор пришёл.

– Стаса нет, он уехал и просил передать, что его не будет сегодня, – сказал Стас мужественным басом старшего брата Андрея.

Желанные десять тысяч затрепетали перед взором, после чего стали медленно таять в лазоревой дали. Допустить такое разорение в его и без того аховом состоянии невозможно.

– Открывай, Стас, я тебя узнал, если не откроешь, вечером позвоню матери, тогда уж не взыщи.

– Ну вот, сразу и жаловаться.

Маленький, худенький, конопатый Стас просунул рыжую голову в дверь:

– Здравствуйте, Виктор Фёдорович. А между прочим, мамаша свалила на курорт, сидит там по уши в грязевых ваннах, значит, вечером бы вы до неё никак не дозвонились.

– Ладно, будем считать твоё заявление явкой с повинной, главное – ты дома, идём заниматься.

– Ой, Виктор Фёдорович, я ещё не обедал. У меня малокровие начнётся или, чего доброго, дистрофия.

– Хорошо, даю десять минут на еду, после чего приступаем к занятиям.

– Если при поглощении пищи торопиться, может развиваться гастрит и даже язва желудка. Эти десять минут за мой счёт, или за ваш?

– Конечно, за твой, и учти, время пошло, ты на счётчике.

Мать Стаса работала когда-то врачом, теперь домохозяйка, отец торгует запчастями на автомобильном рынке вместе со старшим сыном. У них довольно запущенная двухкомнатная квартира, которую они мечтают обменять на большую, есть видик, компьютер, машина, но нет ни одного целого стула.

От сидения на инвалиде ноги быстро затекают из-за неудобной позы, которую необходимо сохранять для поддержания равновесия. Когда стало невмоготу, Виктор дал Стасу пример на самостоятельное решение и начал прохаживаться по шестиметровой комнате, заставленной двухъярусной кроватью, шифоньером и огромными мешками. Два полшага туда, два полшага обратно по узкому свободному пространству.

Когда Стас решает, он щурится, кривится, многочисленные эмоции тесно соседствуют на усыпанном конопушками, маленьком, очень подвижном личике.

– Не подсматривайте! – кричит, загораживая тетрадь ладошкой, – не подсматривайте, когда я решаю!

Магницкий отворачивается, глядит в окно через металлическую решётку.

– Зачем на пятом этаже решётки?

– Ага, зачем! Нас уже дважды с крыши обворовывали. Теперь папаша купил настоящую боевую винтовку, пусть только сунутся! Хотите, покажу?

– Не надо, решай.

Однако если Стас чего захочет, его не остановить: вот исчез в другой комнате, откуда мгновение спустя начинают доноситься пощёлкивания, и тут же вернулся с оружием, снабжённым прикладом из металлических трубочек.

Целится по сторонам, потом старательно наводит ствол на своего репетитора, долго щурится и с удовольствием нажимает спусковой крючок.

Неравенство решил неправильно. Но ещё не знает об этом и страшно горд, что самостоятельно довёл выкладки до конца.

Магницкий проверяет медленно, ставя галочку в каждой строке, где нет ошибки: «Верно, и здесь верно, молодец какой стал, а?»

– Неплохо, неплохо, а вот здесь вовремя поменял знаки, очень даже хорошо, на миллиметр всего прошёл мимо верной тропинки. Посмотри внимательно сюда.

Стас смотрит и краснеет.

– Но кроме этого единственного места остальное было верно.

Ученик оживает.

– Вы знаете, Виктор Фёдорович, я думаю, прошёл здесь рядом не на миллиметр, а на микрон, правда же?

– Согласен, а теперь реши такой же точно пример, уж до конца всё правильно.

– Но вы не подсматривайте! – кричит Стас. – Не глядеть! Отвернитесь! Ничего себе... такой же... совсем другой.

Магницкий бросил взгляд на часы. Ещё заниматься и заниматься. Стас гримасничает, как маленькая обезьянка, корчит рожи, показывает фигурки из-под стола, фыркает: «Фак... фак ю, Виктор Фёдорович, вы знаете, как перевести фак ю?»

Нетрудно себе представить, насколько быстро подобное поведение доводит школьных учителей до белого каления. У Виктора метода простая и надёжная: смотреть на часы, вычисляя, сколько осталось до конца занятий, ласково улыбаясь, что само по себе производит на бережливую душу Стаса отрезвляющее впечатление.

– Всё, решил, – говорит он, – проверяйте. Нет ещё, нет, минуточку, – и обводит каллиграфически буквы и цифры в ответе.

Когда Стас старается, почерк у него просто идеальный, ему бы писарем в прошлый век, в канцелярию, к перьям и чернильницам – до столоначальника дорос непременно.

Вручает Магницкому тетрадку грузом бесценного сокровища. Виктор берёт ручку с красным стержнем, Стас отворачивается, будто это не авторучка, а шприц. И вдруг репетитор видит, что пример решён правильно. Сообщает об этом громогласно, в награду жмёт руку, после чего тоже каллиграфически вырисовывает большую красную пятёрку, в скобках пишет «отлично» и расписывается.

Счастью Стаса нет предела.

– Давайте, Виктор Фёдорович, передохнём немного, чая попьем, у меня во рту всё пересохло, – в одно мгновение на столе появляется поднос с чашками, пирожными и печеньем. – Пробуйте, пробуйте, печенье сам пёк, нет, без дураков, сам.

– Вкусное печенье. Руки у тебя, Стас, золотые.

– Голова тоже. Мне сейчас главное в девятый класс перейти, там до Нового года простоять, до июня продержаться и свалить в кулинарное училище. Поваром буду высшего разряда. Знаете, сколько шеф-повар в ресторане зарабатывает?

– Понятия не имею.

– Мать говорит, что много.

– Ну, хорошо, если решишь три задачи без ошибок, отпущу на пять минут раньше.

– Не-а, до конца будем заниматься. Время – деньги, Виктор Фёдорович.

В итоге они сидят на пятнадцать минут дольше, пока зловредный ребёнок не решает три примера подряд правильно. За каждый Виктор ставит ему по жирной пятёрке, с «отлично» и росписью. С видом большого удовлетворения Стас складывает в стопочку тетради, учебники по алгебре, геометрии и объявляет очередную выдумку:

– Виктор Фёдорович, вы извините, что сразу забыл сказать. Это, короче говоря, мать не оставила денег на репетитора, позабыла, наверное, сильно торопилась, путёвка была горячая.

Так вот чему мысленно улыбался наш юный друг последние десять минут: конструировал данную фразу, и теперь с хитрым любопытством ждёт ответной реакции.

– Жаль, а у тебя вроде бы начало получаться, но ничего не поделаешь, придётся пока отменить наши встречи вплоть до приезда твоей мамы, надеюсь, ты понимаешь, что простаивать мне не с руки, придётся взять другого ученика, вы с мамой тоже потом подыщите другого репетитора.

– А в кредит нельзя?

– Кредит портит отношения, спроси у папы, он подтвердит.

– Стойте, стойте, уж ладно, я вам из своих денег отдам.

Прощаясь, Стас послал в открытую дверь воздушный поцелуй и быстро её захлопнул. Это насторожило Магницкого, хотя и несколько запоздало. Пересчитал деньги – так и есть, одной пятисотки недостаёт. Ну что ты будешь делать, рыночная стихия всех воспитывает на свой лад, и маленький Стасик тоже хочет иметь с урока свой небольшой гешефт.

5. Дёргаем в Новую Зеландию?

Недоимку Виктор переложил на широкие плечи муниципального транспорта, прокатившись бесплатно на троллейбусе.

Завернул на уличный базар, состоящий из нескольких палаток, где цены немного ниже магазинных, купил кусочек костромского сыра размером с ладошку, пачку масла и булку хлеба. На этом репетиторские деньги кончились, в голову караваном одногорбых верблюдов потянулись было трусливые мыслишки насчёт гвоздильного завода. Впрочем, сейчас они показались ему размером с ослов, которых легко разогнать пинками, приговаривая при этом: «Перезимует, не сорок первый!».

Тем более, в кабинете его хорошей знакомой Ольги Дальской, очень, кстати говоря, симпатичного умницы-директора простаивают на столах без дела два современных компьютера, вот бы где развернуться! На какую только тему? Надо срочно выдумать лёгкий, необременительный, главное, доходный бизнес!

Оптимистично мурлыча под нос строку из любовной оперетки, Виктор подошёл к своему дому, где его приятные размышления прервал отлично одетый молодой человек с безукоризненным пробором шевелюры и розово-упитанными щеками, но без той ещё мужественности во взоре, по которой можно безошибочно судить, что костюм куплен за собственные деньги.

Виктор готов ставить десять против одного – прекрасную тройку цвета кофе с молоком приобрёл любимцу фортуны папа. Нет, этот молодой человек не торговал ночью палёной водкой в коммерческом киоске, создавая первоначальный капитал.

Когда юноша ринулся навстречу Виктору, тот замедлил шаг и не стал торопиться открывать калитку во двор.

– Вы не знаете, где здесь проживает преподаватель математики? – спросил подбежавший тоном, каким пассажиры обычно вопрошают на тонущем корабле: «Где здесь спасательный круг?».

– Читайте, вам несказанно повезло, молодой человек, и вы его нашли с первой попытки, – успокаивающе произнёс Магницкий, ни секунды не колеблясь. – Выкладывайте свою просьбу.

Но молодой человек не мог сразу поверить своему счастью, карие глазки светились подозрением.

– Дело в том, что нужно решить несколько задач, не очень трудных.

– Нетрудные все решают сами с помощью соседей и родителей. Если я вас правильно понял, вы – студент заочного отделения и вам требуется сделать контрольную по математике.

– Ну да, – с некоторым сомнением согласился юноша.

– Нет проблем. Давайте свои задачи и приходите завтра примерно в это же время, не забудьте прихватить пятьдесят тысяч оплаты. Хотя, вижу, вам надо поскорее, ладно, ладно, можете зайти утром.

– Одна моя знакомая сидит сейчас на экзамене. Нужно срочно решить вот эти примерчики, – в руке забелел свёрнутый многократно листочек, явно переброшенный на свободу через форточку туалета.

– Идёмте, – произнёс Магницкий очень решительно, – спасение друзей – это святое! Знаете, что? Раз такое дело, я даже не буду поднимать цену за срочность исполнения.

Оставив молодого человека наслаждаться красотами сада у гнилой скамейки, сесть на которую тот не решился, Виктор вбежал в дом и бросился искать нужные формулы из аналитической геометрии и высшей алгебры среди груды книг, сваленных в углу.

Странное, однако, дело. Книги в доме самостоятельно меняются местами: ещё сегодня утром здесь не было этих трёх аккуратных стопочек, а дверки шкафа были плотно прикрыты, теперь всё наоборот.

Через пятнадцать минут он порадовал немного опухшего от комариных укусов влюблённого молодого человека подробно решёнными и ясно написанными задачками. Данный бизнес Виктору всегда чрезвычайно нравился.

– А давайте сбавим цену? – мило улыбнулся юноша, обнаружив на милом лице сразу три привлекательных ямочки: две на щеках и одну на подбородке. Очевидно, не зря тратил время в томительном ожидании, тоже кое-что успел сочинить. – Давайте за двадцать пять тысяч всю контрольную, получается целых пять тысяч за задачку, неплохо ведь?

Сделалось ясно: папа прилагает руку не только к гардеробу подрастающего поколения, но не увиливает и от воспитания. Плоды налицо.

– Мой друг, – приступил Виктор к разговору задумчивым тоном пожилого пенсионера, которому давно некуда спешить, пряча листочки с решениями за спину, – каждая потраченная минута на, согласитесь, ненужный, по сути, диалог может самым трагическим образом сказаться на судьбе экзаменуемого... или э... экзаменуемой.. Поэтому у меня э... имеется к вам предложение. Предложение самое простое: может быть, не будем торговаться? В начале нашей встречи условия были сформулированы вполне однозначно, и вы по умолчанию цену приняли, устный договор заключён, а стало быть, теперь, по завершении работы, надо просто оплатить результат наличными. Или я пойду ужинать. Извините, с работы.

– Хорошо, старик, сорок тысяч, – молодец безмятежно рассматривал окрестности. – У вас тут здоровски. Мне нравится. Это вся территория ваша? Здесь можно запросто расположить летнее кафе, японский сад камней и зимний ресторан с корейской кухней, ещё место для парковки останется. Вы позволите мне утрясти все вопросы? Я очень быстро провентилирую, поверьте, в накладе не останетесь.

Тут только Магницкий в полной мере обнаружил, как сильно он ошибся в оценке костюма-тройки. Определённо судьба обещала выделить юноше в недалёком будущем лучшие места на стамбульской толкучке.

– Друг мой, предпочитаю собственный сад всем японским булыжникам Фудзиямы, Хоккайдо, Кюсю, а главное, Сикоки вместе взятым.

Не прошло пяти минут занимательного географического разговора, в котором Виктор, благодаря детдомовскому детству оказался большей докой, как молодой человек принялся, нервничая, любопытствовать: каким образом ему будет гарантирована правильность решения задач, на что получил резкий отпор: «Абсолютно никаким», и тут же сдался. Долгожданная купюра хрустнула в ладони, чтобы через полчаса бесследно испариться в ближайшем магазинчике на углу, с воздушным названием «Баттерфляй», которое обычно переводится «бабочка», но почему-то на красном кирпичном фасаде красовался разноцветный павлин с огромным пышным хвостом.

Как говорится, своя рука владыка.

Здесь он отоварился копчёной колбасой, консервами, бутылкой сухого вина, а также некоторым количеством стратегического провианта в виде двух пакетов лапши и кило пшена.

Роскошный ужин раз в месяц никому не помешает. Любой проживший в общежитии больше недели человек отлично знает, каким волшебным свойством притягивать гостей обладает сковорода жареной картошки, несомая из кухни в комнату по длинному-предлинному коридору. Практика открывала перед Магницким новые горизонты жизненной правды: частная собственность также не есть исключение в данном роде.

Не успели дольки колбасы уютно свернуться на тарелочке рядом с пластиками сыра, а голова в очередной раз насладиться мечтой, на каком именно компьютере рядом с изыс-

канно-красивой Ольгой Дальской расположится Виктор работать в будущем, и как бы ему скорее приблизить это прекрасное далёко, желательно прямо на завтра-послезавтра, тут же, вплотную к окну дома, припарковался красный микроавтобус, из которого вышел особенный в жизни Виктора человек: владелец капиталистического заводика, а стало быть, старинным слогом выражаясь – заводчик Владимир Жарков, со своим бухгалтером Толиком.

Когда-то они с Жарковым работали на химкомбинате, куда Магницкий убежал от науки в поисках квартиры. Жаркова считали электронщиком милостью божией: в досетевую эру он умудрился протянуть общезаводскую многокилометровую сеть, привязав все подразделения к единой базе, подключив к ней цеха, роботизированные конвейеры, склады, бухгалтерию, управление, и даже столовую. Благодаря последнему, рабочие, отобедав, могли на выходе ставить оценки по блюдам меню, а столовским по этим оценкам начислялась премия. Кроме того, Володя исхитрился подрабатывать то лаборантом на четверть ставки, то уборщиком помещений в двух академических институтах сразу, что давало ему право проводить на сверхсекретных установках в ночное время некие таинственные эксперименты.

А с окончанием эпохи социализма физик Жарков надумал создать частную лабораторию для реализации собственного научного потенциала, однако предварительно пришлось построить с нуля заводик по производству пищевых экстрактов, который смог бы кормить будущую лабораторию, его команду и, конечно, семью. Чтобы тот завод на ровном месте возник, и наполнился необходимым оборудованием, физик-предприниматель взялся за импорт японских подержанных иномарок на местный рынок.

Ныне Генератор Идей косит под нового русского: крутые белые штаны, несколько, впрочем, грязноватые, такого же цвета безумно дорогая, в пыли, рубаша, на чёрном поясе расположились трубки сотовых телефонов, пейджеров, в руках папка с документами на новое дело, которое он опять раскручивает.

Щуря сквозь импортные дымчатые очки чуть раскосые глаза, задевая плечами сразу оба дверных косяка, шумно ввергся в дом, наполнив его грохочущим басом.

– Оп-па-на! Вот где ты приземлился, старый разбойник! Небось, думал, не найдём? Найдём! В эту развалюху вложил свой пай? Ладно, чёрт с ним, будем обмывать покупки, и твои, и мои, видишь, новая лайба – японо мать, по проходимости – вездеход, пришло пять штук. Я нынче шофёра выгнал, сам баранку кручу, даже Толика за руль не пускаю, бухгалтер, что стоишь? Вали продукты на стол.

Приветливо улыбаясь в соломенные усы, Толик выставил бутылку коньяка, баночки с икрой, пару буханок белого хлеба.

Жарков тотчас отломил полбулки, зажевал.

– Чёрт, проголодался, весь день мотаемся по городу, пожрать некогда: то банк, то мэрия, то завод, чёрт бы побрал всех этих крючкотворов, ну мы всё-таки взяли их за жабры с Толиком, да, Толик?

– Взяли, конечно, – всегда непроницаемый Толик быстро нарезает хлеб.

– Вытряс из них кредит, на следующей неделе запущу пробную партию продукции.

Бутерброды с красной икрой Жарков делает сам, лицо его при этом являет выражение отеческой нежности.

Обычного во времена стройки деликатеса, который начальник самолично подвозил к вечернему общему ужину коллектива строителей, Магницкий не видел уже полгода, с того самого времени, как ушёл с завода.

Разгон команды произошёл в стиле жёсткого западного менеджмента, без учёта межличностных отношений. Хотя деньги и идеи принадлежали Жаркову, некоторые участники стройки посчитали себя как бы в доле, возможно, и сам он чересчур щедро раздавал обещания приятелям для поднятия трудового энтузиазма, но однажды на утренней планёрке вру-

чил всем листочки, предложив написать заявления на увольнение, после чего набрал новую команду.

Магницкий заявление написал и ушёл. Кто стал возражать, получили холодную затяжную войну, некоторые по суду урвали какие-то крохи. Прочим Жарков выдал довольно крупные премиальные при расчёте. Полученную иномарку Магницкий обменял на старенький домик, в котором они теперь сидят втроём, пьют молдавский коньяк «Белый аист», закусывая бутербродами с красной икрой.

Жарков от коньяка воздерживался – за рулём. Это новый шаг в развитии уважаемого предпринимателя. Раньше он талантливо изображал автократического хозяина-азиата, у которого полно слуг: слуга-шофёр, слуга-бухгалтер, и даже слуга-главный инженер. Однако это ему надоело, и теперь он играет роль предпринимателя-европейца, который всё что можно делает сам и делает с удовольствием.

Толику досталась треснутая рюмка из буфета с надписью «Христос воскрес!», грея её в ладони, бухгалтер сомневается:

– Может, мне не пить?

– Хочешь порулить? Расслабься, отдыхай. Завтра состоится важная стратегическая финансовая операция, где тебе придётся сыграть первую скрипку.

– Что за операция? – мигом насторожился Толик.

– Завтра наступит завтра. Хотя можешь и не пить, у человека должна быть свобода выбора.

Вытащить из Жаркова какую-либо информацию в таких случаях дохлый номер, он будет говорить вам обо всем, о чем угодно, только не о том, о чем действительно думает. Как правило, с этой целью выбирается хорошо обкатанная тема, например, воспоминания о том, как жилось – было в детском доме маленькому мальчику Володе. Естественно, не Ульянову.

Толик потягивает коньяк, успокаивается.

Нам предстоит выслушать сокровенное, про Зорьку.

– Только благодаря ей я выжил, и вообще, вырос таким здоровым и могучим!

Бармин с размаха бабахнул себя в грудь мощной дланью, будто лупит по пустой двухсотлитровой бочке из-под краски. От такого грохота самые отпетые бабуины побросали бы ко всем чертям свои гаремы и драпали от греха подальше куда-нибудь в глушь джунглей, довольствуясь там одной травкой с неприхотливостью ветхозаветных старцев.

– А в нашем детдоме коровы не было, – позавидовал Магницкий.

– В том-то и дело. Я не отходил от нее ни на шаг, кормил, чистил, водил пастись, и вволю пил парное молоко, ни кого не спрашивая, в то время как другие курево промышляли, и всякую бормотуху тянули. Нет, ты мне скажи, где найти Киплинга, который описал бы, как совершенно беспородная корова Зорька вырастила человека в советском детдоме? Понимаешь, в чем дело? Рядом с ней я поднялся как на дрожжах, в шесть лет был здоровее тринадцатилетних пацанов, уже шкулявших по окрестностям деньги на выпивку и курево. Вообще, если подумать, странная картина получается: отца-матери не знаю, нашли где-то в Смоленске, корова выходила. Зорька. Вырос, воевал в Анголе, Эфиопии, там в этих чертовых джунглях офицеры ГРУ гнулись ржавыми гвоздями, а я пять лет не моргнув глазом оттрубил, сперва по обязанности почетной, еще по договору. Эх, вы телята, даже не представляете себе, что такое три операции провести в разных частях тропиков за две недели. И все благодаря Зорьке.

– Чехов смог бы описать, – предположил Постол, – а нынешние нет, не потянут, кишка тонка.

– Интересно, – вдруг удивился Бармин прищуриваясь ядовито, – а почему у нас в городе нет улицы Чехова? Ладно, там Пушкин с Львом Толстым, и Достоевский в при-

дачу, им по их всемирной известности полагается территория, бери – пользуйся – не жалко, но вот трибун этот партийный, с краснокожей штукой в широких штанинах – Маяковский, – ни за что урвал, Тарас Шевченко себе улочку в центре отхватил, а почему братцы, Антона Павловича нашего ни с чем оставили? Обидели память ве-ли-ко-го писателя! Надо будет в мэрии вопрос ребром ставить, совсем нюх потеряли, двоечники.

– Это потому, что они у нас не были: ни Толстой, ни Пушкин, ни Маяковский, – заметил голосом знающего человека бухгалтер.

– Ты хочешь сказать, Чехов здесь был, и ему город наш не понравился что ли?

– Точно так, путешествуя на Сахалин, помните? Тогда и заехал. Через Урал, всю Сибирь в коляске проехал, еще транссибирской магистрали не было, весной, в половодье, в самую что ни на есть грязюку к нам попал.

– Бедняга, – Бармин поморщился. – Ну, и как его здесь встретили?

– Про это он ничего не написал, сказал только, что интеллигенция местная вся пьет напропалую и по публичным домам шатается выпимши, еще не нашел героини сибирской, сказал, что дамы местные слишком жестки наощупь, не вдохновляют.

– Конечно, здесь вам не Крым, подходящей дамы с собачкой не оказалось под рукой.

– Согласен, городок по весне грязноват бывает, особо когда сугробы все разом растают, пусть, согласные, но женщины тут причем? Нехорошо

– Стоп, мужики, думаю, дело было так: приехал, значит, Чехов, промок как собака, замерз в своей коляске... Выпил с местными аборигенами-шелкоперами за процветание российской литературы, как полагается, слово за слово, и пошли по бабам. И какая-нибудь излишне норовистая бабенка врезала писателю по пенсне, так бывает, знаем, а он обиделся от души на всех сибирских женщин скопом, пришел к себе в гостиницу и излил желчь в дневник.

– Короче, не удостоили девушки писателя вниманием, бывает, чего там, прокол называется.

– Ладно, тогда вопрос к мэрии о восстановлении исторической справедливости снимается, писатель обиделся на город, город обиделся на писателя, расплевались взаимно и дело с концом.

– Не, не ребята, есть Чехова переулок, точно, вспомнил. Однажды там забуксовал в роскошной луже, метров двадцать в поперечнике, не меньше! Как сейчас помню: апрель месяц, холодина такая, что шуга цвета кофе плавает на поверхности, пришлось брюки задрать повыше колен и в тувельках бродить, грузовик голосовать и трос цеплять. Эх, есть переулок Чехова, но лучше бы его не было! Я тогда еще название прочитал на табличке, и постарался на всю жизнь запомнить, чтобы никогда туда уж больше не заезжать, пропали импортные югославские туфли от Бати, расклеились, мать их, жена потом целый месяц нервы портила из-за этого. Стойте, я все понял! Кармический закон такой есть: человек обязан пережить то, чего он особенно боится, к примеру, если солдат шибко не хочет валяться на поле боя с развороченным животом, и ежечасно думает об этом, бедняга, не ест перед боем, опасаясь перитонита, значит, так тому и быть: лежать ему кишками в грязи. Отец рассказывал, он у меня фронтовик. Говорил: главное ребята – не сс...ть и хорошее питание. Вот и Чехов – боялся ехать через Козульку, дорогой тамошней его все запугали, он больше про эту Козульку написал, чем про весь город, а в результате устроили ему вечную память в самой, что ни на есть Козулке, обозвав закоулок с ужасной дорогой его именем.

– Это тебе Зотов, небось, про кармический закон наплел?

– Неважно, – смутился Постол.

Магницкий взглянул на него недоверием:

– Слушай, Апостол Толя, скажи честно, наврал ты нам сейчас про Чехова?

– Врет, по голосу слышу, – определил Бармин. – С ним часто такое бывает – заносит парня. Особенно в квартальной отчетности.

– Да вы что, мужики? Честное пионерское. И переулочек есть такой, братцы, а все остальное – читайте сами, как на духу не вру, вот вам крест во все пузо.

– В общем и целом сказать, Палыч и сегодня прав практически во всем, кроме, конечно, женщин, но тут его подвела сволочная мужская натура, и не нам его в этом винить. А насчет города и места нашего все верно: неважное местечко для жизни, особенно после аварий на атомном реакторе. Кушайте йод, красную икру килограммами, все одно от горячих частиц не убережешься, вот так. И будет где-нибудь в легких, или желудке работать маленькая атомная станция, а то и две, а то и сотня – другая, облучая соседние клетки, разбрасывать метастазы. А дозиметр ничего не покажет, все в пределах нормального природного фона. Просто надо ехать отсюда, куда подальше.

Сев против Магницкого, Жарков перестал щуриться снисходительно на весь прочий мир, снял дымчатые очки:

– Завод запускаю и продаю.

– Лабораторию создавать не будешь?

– Буду, но в другом месте. Здесь, во-первых, цены на топливо скоро поднимут до мирового уровня, а отапливать цех надо будет девять месяцев в году, а главное – серьезного сбыта не предвидится. То, что мы в тридцатикилометровой зоне от атомного реактора, – ещё бы ничего, когда бы он работал нормально. После выброса на серьезных договорах можно смело ставить крест. Так что, дружище Виктор, будем уходить в иные пределы. Поедешь со мной?

– Следующий завод строить?

– Нет, теперь уже непосредственно лабораторию создавать. Нужен будет в команде математик, хоть тресни. А ты свой – детдомовский.

– В Москву за песнями?

– Отягощать столицу собственными идеями не след, она и без того перегружена сверх всякой меры. Через это Россия болеет. Вот представь себе страну как некий очень большой и живой организм, тогда Москва – некая часть организма, верно? Как ты определишь болезнь со следующими симптомами: на протяжении продолжительного времени все питательные вещества в виде финансов и самых лучших, самых энергичных людских ресурсов уходят в Москву, все кровотоки концентрируются на обеспечении одной этой части организма, которая пухнет, растёт, процветает, увеличивается в размерах, в качестве жизни, в то время как остальной организм деградирует, дряхлеет, истощается на 700 тысяч человек в год? Ясно название болезни? И единственный способ кардинального лечения – вынесение федерального центра из Москвы, отсоединение её от федеральных финансовых потоков, на которых она безобразно жирует.

– В Питер?

– Лучше вообще на новом месте построить городок районного масштаба – в не слишком благодатном месте, с казёнными квартирами исключительно для чиновного люда. Отработал договорной срок – уехал, дабы не гнездиться и не создавать семейных кремлёвских кланов. Но нынешнее руководство на это не способно, здесь нужен если не Пётр, то хотя бы Назарбаев, вот только где же его взять? А мне некогда ждать у моря погоды, есть идея реализоваться в Новой Зеландии. Зелено, чисто, тепло круглый год, выращивают себе овец и коров, и никакой ядерщины. Как, Виктор, дёргаем в Новую Зеландию?

– Ага... сейчас ещё по одной и вперёд...

– Сомневаешься? Или хижину свою жалко? Сарай этот? Брось.

– У тебя самого не краше.

– Миллиард-полтора возьму за заводик, с долгами рассчитаюсь полностью, кое-что останется для старта на новом месте. У Толика посчитано. Так что рвём когти вместе, уж так и быть, беру на себя организационные заморочки.

Однажды Жарков сделал Виктору предложение поработать в его команде на строительстве «капиталистического» завода. В принципе, Виктор ничего не проиграл, даже приобрёл долгожданное место под солнцем.

– Надо обдумать.

– Думай. В настоящий момент над парочкой идей очень плотно работаю. Массу времени забирает чертов бизнес, вот развяжусь с ним, рванём вперёд так, что гарвардам тошно станет. Мои идеи дорогого стоят. А практический выход из них во сто крат дороже. Но т-с-с-с! Братцы-кролики! У меня идея! Чего здесь киснуть, айда, братцы, на речку купаться! А, Толик?

Бухгалтер посмотрел в окно хмуро, будто там не чудный солнечный вечер, а как минимум февральская пурга.

– Сегодня я за рулём, надо же когда-нибудь научиться обкатывать свои машины. Права вчера только получил, теперь сам вожу бухгалтера, шофёра уволил беспощадно, как раньше говорили: освоение смежных специальностей с последующим сокращением кадров. Как это называлось? А? Интенсификация производства! Жить надо не по Марксу и не по Форду, мужики, а как того душа желает. К примеру, если хочется искупаться, едем немедленно и никого не спрашиваем. Обрати, Виктор, внимание на машину, я её сузучкой зову: на вид вроде бы ерунда, игрушка лакированная, а на самом деле – вездеход как раз для наших дорог. Прёт, как чёрт. Всё, залазим. Я за рулём. Представляете, в этом году ещё ни разу не тонул. А водичка-то сейчас, должно быть, парная!

Они сели в красный японский вагончик, полетели куда-то на бешеной скорости, и с размаху въехали на светофоре, прямо под кузов гигантского белазы, который в свою очередь раскорячился на трамвайных путях. Трамвай затрезвонил, требуя освободить дорогу и самосвал начал сдавать прямо на японский вагончик, не видя его, а тому тоже отступать некуда – сзади подпер грузовик. Усы Постола встали ежиком, из его рта вырвался какой-то звук, который никому не удалось расслышать, так как все звуковые колебания в радиусе километра покрыло мощное завывание полицейской сирены.

– Я эту штуку еще не разу не пробовал, – задумчиво сказал Бармин, когда белазы вздрогнул и остановился, по слонам опасно поджав зад, – не было случая проверить.

– Хорошо хоть вспомнил вовремя.

– На память никогда не жаловался, – не преминул похвастаться заводчик.

– А подушки безопасности в твоём драндулете есть? – поинтересовался Виктор, с раздражением ощутив себя абсолютно трезвым человеком, без толку выпившим четверть литра коньячно-водочной смеси, и по вине водилы потерявший весь кайф.

– А черт его знает, может и есть, техпаспорт на японском, я еще не читал.

– Знаешь что, давай не будем проверять их наличие.

– Ну, не злись, не злись.

Задний борт «белазы» закрывал небо. Было уже не страшно, но все же как-то неуютно. Пока добирались до речки по крайней мере трижды Магницкий мысленно прощался с жизнью, и два раза вообще ничего не успевал сообразить: они стремительно устраивали дорожную заварушку, из которой также стремительно выскакивали и мчались дальше сломя голову, с безрассудной смелостью атакуя любой просвет между впереди идущим транспортом.

– Так мы в Новую Зеландию не попадем. У меня адреналина в крови в три раза выше нормы.

– А у меня в самый раз.

При спуске к реке Володька не преминул продемонстрировать с какой предельной крутизны может сползать его вездеход, не переворачиваясь при этом. Убедившись, что как всегда фортуна играет на стороне Бармина, пассажиры сжав зубы молчали, и авто покатило вниз сломя голову по семидесятиградусному склону.

Внизу загорали обычные граждане. Машины свои они оставиливерху на дороге, спокойно расположились на бережке, лежа кто на травке, кто на стареньком покрывале с бабушкиной кровати. Естественно, все повскакали с мест, не зная, в какую сторону броситься, когда сверху на них рухнула красная божья дизельная коровка.

Не сбавляя скорости, Бармин промчался лихим слаломистом, минуя расстеленные на травке покрывала, будто препятствия, и в самом великолепном расположении духа заехал в воду, выключив мотор.

– Купаться, орлы!

– Засосет, – мрачно высказал всеобщее предположение бухгалтер, расстегивая штаны.

– Пусть только попробует.

Редкие на левой стороне реки купальщики с сомнением разглядывали машину, не торопясь давать советы, но видно было, что их тоже очень даже интересовало, как прибывшие наглецы будут вытаскивать из глинистого гравия своего красного жука. В глазах некоторых, особенно тех, кому пришлось отскакивать от бешеной вагонетки, светилось очевидное злорадство.

– Плыдем до моста и обратно, – скомандовал Бармин.

Не дожидаясь исполнения приказа, обрушился в воду прямо из кабины.

Магницкий прошел по мелководью десять шагов, затем лег на спину и поплыл по течению, прикрыв глаза. Тихий плеск волн целебным образом врачевал психику, подорванную кратким, но насыщенным путешествием по городским улицам. Темно-зеленая вода быстро несла его в направлении северных приполярных лагерей и экспедиций академика Отто Юльевича Шмидта. Стоит еще чуть-чуть расслабиться, то недолго под монотонный плеск волн в ушах и уснуть, пару часов такого необременительного плаванья, как впадешь в Обь, а там, глядишь уже Кривошеино на одном берегу, Колпашево на другом, здравствуй, брат Нарым!

Купаться пьяным в реке почти столь же безопасно, как ездить с Барминым-шофером на левом сидении праворульного авто, но после полученной нервной встряски Виктор трезв, как стеклышко.

Стеклышко в очках известного противника алкоголя и доцента права Леонтия Стржжимальо, который в горбачевскую эпоху прославился тем, что собственноручно отлавливал в плотных рядах первомайской колонны остограбившихся сотрудников, после праздника требовал с них объяснительные в партком, при этом много кричал и ругался и даже громил, а потом слинял на запад, где сделался известным европейским правозащитником. Говорят, что там, на новом поприще Леонтий тоже много кричит и ругается в защиту общечеловеческих прав и свобод.

Когда открыл глаза, то увидел что мост остался позади, точнее он высится прямо перед глазами, при этом быстро удаляясь, и ощутимо уменьшаясь в размерах. Плавать против стремительного течения – занятие для обычного человека настолько же утомительное, насколько и бесперспективное.

Он выбрался на берег и пошел обратно пешком. Недалеко впереди маячила бледная фигура бухгалтера, который также неспешно возвращался к месту водной автостоянки. Зато на середине реки бил пенистый белый гейзер двухметровой высоты – там Бармин боролся с рекой не на жизнь, а на смерть, других условий борьбы он просто не признавал. Виктор с Толиком успели поднять два тоста за счастливую старость и спокойную молодость, тогда

только борец с жизненными стихиями выбросил свое мощное, но израненное тело на раскаленную крышу сузучки: раздалось кратковременное шипение. Израненное в полном смысле этого слова: имелась старое пулевое ранение в мышце голени и две хорошо зашитые дырки в плече и груди.

– Колбасы! – рявкнул он.

Ему без разговора выделили пол палки, справедливо полагая, что этот один стоит двух, но сыр на бутерброды зажилили, закусывая им коньяк. Бармин тотчас громко и выразительно зачавкал, восстанавливая истраченные силы.

– Рулевой, вода поднялась до мостика, колес не видно, сейчас начнет топить салон. Пора выбираться отсюда.

– Еще малость позагораем и тронемся с богом. Минералки нет?

– Все благополучно закончилось: пища, вино, коньяк.

– Вот прожорливый народец какой подобрался, весь в меня. Ладно, поехали.

Пользуясь одними руками, Бармин перебрался с крыши на место водителя. Двери закрыли. Включил зажигание. Сузучка завелась сразу, и некоторое время Бармин не трогался, давая разогреться мотору, чего в обычных условиях явно не стал бы делать. Ясно – он дождался, когда отдыхающие отставят свои мелкие делишки да разговорчики в сторону, и сосредоточат внимание на нашей полузатонувшей машине. Он должен оказаться в центре внимания, а уже потом нажать на газ. И нажал. И помчался, но не к берегу, а вдоль реки, где полно глубоких ям.

«Вот болван!», – успел подумать Магницкий, понимая, что со стороны они смотрятся быстроходной амфибией и восхищаясь этой картинкой.

На полном ходу Бармин лихо вырулил на берег, небрежно бросил сузучку вверх по глинистому откосу с таким бешеным ускорением, что организм вжал в сидение, а нижняя челюсть придавила трахею, потом по инерции долго летели вверх, а когда запас инерции кончился, упали вниз, хорошо что не обратно под откос, а на дорожный асфальт, развернулись и понеслись к мосту.

– Ну как, видели? – спросил Бармин.

– Раньше я хотел приобрести себе автомобиль, а теперь думаю, что лучше вкладывать средства непосредственно в гильотину. Она быстрее и надежнее.

– Да, ты известный любитель недвижимости, мы об этом уже слышаны.

– Останови здесь, – похлопал Виктор шофера по плечу.

– Не бойся, довезу нерасчлененным.

– Боюсь, не довезешь. Останови, надо зайти в общежитие. Толик, не составишь компанию?

Толик в ответ лишь обреченно помахал головой: служба.

– Хорошо, что у меня только дружба. Погоди, Бармин, и вот еще что, насчет Новой Зеландии, я тут пораскинул мозгами, и решил остаться прозябать по нынешнему месту жительства.

– Это влияние момента, друг Витя. Ты ему поддался, и еще передумашь туда-сюда раз десять, мы ведь не завтра катапультируемся. Копи валюту, в любом случае пригодится.

Не дождавшись ответа, вагончик резко рванул вниз по проспекту Ленина, вылетая на встречную полосу и распугивая общественный транспорт.

Магницкий поднялся на четвертый этаж общежития, где в одной из комнат проживала Нина. Она обитала вместе с аспиранткой биологического факультета, которая имела привычку писать диссертацию лежа на своей кровати и разложив по всей комнате листы бумаги. Сейчас ни аспирантки, ни ее листов в комнате не оказалось, вполне возможно их уже сшили в тома и разослали рецензентам.

Нина была одна: стояла у стола и терла морковь на ржавой терке.

– Здоровеньки булы! – поприветствовал он хозяйку, входя в комнату и отводя в сторону ситцевую занавеску. – Слушайте, девушки, вы моих тапочек нигде не видали?

Все тот же прямой пробор гладких русых волос, немного наивный взгляд серых глаз, Нина выглядит моложе своих лет – хорошо, по-домашнему выглядит.

– О, легок на помине, вот только о тебе думала. Скоро будут готовы тушеные овощи, может, поешь?

– Да нет, спасибо, я мимо пробежал. Так как, не видела тапочек?

Нина достала из встроенного шкафа газетный сверток.

– Вот они. Говорят, ты дом купил?

– Отлично, спасибо. Да какой там дом, одно недоразумение, хибара гнилая.

– Все равно хорошо.

– Разумеется, неплохо, но знаешь, возникла куча новых проблем. Что-то твоя соседка отсутствует, неужто защитилась?

– Нет пока. Просто уехала домой в Белово на три дня окучивать картошку, родители просили помочь.

– Ах, вот оно что. Ну и отлично, хоть тапочки нашлись, а то я, веришь – нет, в кирзовых сапогах по дому шлепал, ладно, спасибо, побегу, пора...

– Иди, – она вернулась к своей ржавой терке.

Магницкий аккуратно притворил дверь.

6. Четверть в подполье и Карузо под кроватью

Через пару ласковых летних дней, не изобретя никакого нового и оригинального бизнеса, но еще более загорелым и уверенным в себе, он вновь очутился в директорском кабинете Ольги Дальской, имея целью доказать на его взгляд совершенно очевидные вещи.

– Все хотят что-нибудь продать или наоборот купить. Кто мичуринский участок, кто гараж, погреб под картошку, или, на худой конец, однокомнатную квартирку для любовницы. В крови человеческой заложено стремление к улучшению условий жизни, это то немногое, чего не выжечь никаким калёным железом социалистических идей.

Ольга рассматривала новый букет пионов в вазе с выражением, которое трудно было объяснить без английской шифровальной машины.

– Мне кажется, мы уже дискутировали на данную тему, – наконец вспомнила она.

– Серьёзно? А кстати, как-то видел тебя на улице с седовласым, импозантным господином. Смотрелись очень интересно.

Директор поморщилась.

– Должник. Давным-давно отдала свои сбережения приличному вроде человеку на развитие его дела. Просто так, без расписки даже. Ходили с ним к нотариусу, оформили условия возврата, денег нет, говорит. А у самого два магазина.

Ольга отошла от цветов, разочарованно вздохнув.

– Возможно, в прошлый раз я объяснял недостаточно убедительно.

– Твои риелторские идеи весьма абстрактны. Но если есть громадное желание, давай попробуем, вдруг что выйдет?

– Давай, – обрадовался Виктор настолько, что, коли можно было, обнял бы дорогого директора, а раз нельзя, просто стал шире разводить руки, обрисовывая перспективы, – понимаешь, когда покупал дом, столкнулся с удивительным феноменом: повсюду, куда ни ткнись, глубочайший упадок и всеобщее разорение: заводы стоят, пашни не возделываются, бюджетники зарплату не получают, а на рынке недвижимости страшный бум. Понял – это из-за приватизации. В один прекрасный момент людям позволили распоряжаться их квартирами, и они начали продавать старые и покупать новые. Мы с тобой напишем отличную программу по оценке квартир и создадим базу данных вторичного рынка жилья, каких не бывало!

– Это будешь делать сам, по крайней мере, на первом этапе. У меня без того неоплачиваемой работы выше крыши.

– Напишем программу, создадим базу данных, и будем иметь отличную работу на всю оставшуюся жизнь.

Дальская глянула на Виктора чуть склонив голову набок, тем самым непонятным взором, которым только что рассматривала принесённые им цветы.

– Таких программ пруд пруди.

– Но все они чужие. Ты же знаешь, с собственным программным обеспечением легко жить и работать, написание окупится сторицей. Кто пожалеет пятнадцать тысяч, чтобы не пересчитывать каждый день десятки газет?

– Не пятнадцать, а десять тысяч, я тебе говорила. Только так можно победить конкурентов. Но знай, таких информаторов, каким ты мечтаешь заделаться, сейчас дюжина на квартал.

– Всегда рад участвовать в честной конкурентной борьбе и безмерно счастлив, что ты доверила мне попробовать это дело.

Денёк выдался превосходный: наконец-то Виктор нашёл себе рабочий стол с компьютером, да ещё в столь приятном соседстве.

– Получится – хорошо, не получится – что же, где наша не пропадала? Наша везде пропадала, не в первый и не в последний раз.

– У тебя много подобных начинаний?

– Посмотришь на досуге трудовую книжку, но учти, туда ещё не всё попало.

– Ну-ка, ну-ка, – она зашуршала листочками. – Знаешь, мне будет трудно сделать запись «ведущий программист» после разнорабочего да изготовителя макаронных изделий в придачу. Как это тебя угораздило?

– Напиши просто «программист», какая теперь разница? Не корысти ведь ради, а исключительно в целях пропитания. Разнорабочим строил завод у Жаркова, помнишь Володю Жаркова?

– Незабываемая личность.

– Да. По итогам нашей совместной деятельности этот уважаемый человек выплатил мне зарплату автомобилем, который я во мгновение ока обменял на домик с садом. Выходит, разнорабочий – не самая плохая специальность, особенно если учесть, что за десять предыдущих лет работы на разных интеллектуальных должностях так и не удалось решить квартирный вопрос, сколько ни бился и ни пыжился. Изготовителем макарон действительно работать не понравилось, всего полтора месяца задержался, у хозяев была гнусная политика: набрать людей, и пусть себе работают, сколько смогут, без зарплаты в три смены, а после того, как народ, пропахав пару месяцев, отчаявшись, увольняется, они тут же набирают новых безработных, и всё повторяется. У них я воровал макароны, которые изготавливал в ночные смены, тем и питался.

– С вами всё ясно, молодой человек. Можете приступать, – Ольга спрятала трудовую книжку в сейф. – Обедаю в половине двенадцатого. Прихожу сюда в девять, раньше этого времени и тебе не стоит появляться, ключ один.

– Не будешь возражать, если приступлю к работе немедленно?

– Похвальное рвение. Кофе будешь?

– В следующий раз можешь даже не спрашивать, согласен также на чай, минеральную воду. По образу жизни я чрезвычайно непритязательное существо.

– Тут есть пирожки с картошкой.

– Вот это да! Слушай, да я согласен за половину оклада ударно питаться, пардон, трудиться, если к обеду у нас пирожки будут. Штучки хотя бы две.

– Оклада нет, не забывай – живём с реальной выработки. Как потопаем, так и полопаем. И обратно: если так полопаем, знаешь, как затопаем?

Дальская скорбно вздохнула.

– Странно. Раньше ты выглядел серьезнее.

– Ой, и не говори, сам чувствую: прямо на глазах становлюсь глупым, ленивым болтуном. Так бывает. История богата на подобные превращения. Зато одна весёлая девушка сделалась директором, и это нормально, и здесь нет аномалии. Вот теперь, после вкуснейшего обеда, возникло чертовски приятное ощущение, что мы обязательно добьёмся успеха, а потом у нас будет интересное дело, деньги, независимость, и, что самое главное, – мы создадим всё это сами, если, конечно, захотим по-настоящему.

Размечтавшись на всю катушку, Виктор начал ходить по комнате кругами, чего очень не любила в своё время Зоя Степановна, вот, кстати, и Ольга явно не приветствует.

– На пять часов у меня назначена встреча, приходи завтра с утра. Я буду в девять, – она выразительно посмотрела на часы.

К сожалению, у него никакой важной встречи ни с кем не намечалось.

Поэтому дома он начал мастерить книжные полки из досок, припасённых прежними хозяевами и простоявших в сенцах у стены много лет и слегка обгнивших на концах.

Пиля их лучковой пилой, Виктор мысленно произносил торжественную клятву: как только получит более-менее приличную зарплату, первым делом купит телевизор. Со второй зарплаты выберет в магазине подходящего размера диван, и подпишет на «Местный вестник». Совершив все эти важные подготовительные мероприятия, как всякий уважающий себя добропорядочный гражданин, приходя с работы, будет валиться тюфяком, скептически, но неторопливо прочитывать газетку с первой до последней страницы, краем глаза следя за каким-нибудь бесконечным телевизионным сериалом типа «Санта-Барбары» или «Тропиканки» до тех самых пор, пока не заснёт и даже не захрапит.

Тогда и наступит жизнь несказанная, практически в волшебной стране Беловодье окажется он тогда!

Не успел толком помечтать о сладкой будущности, неизвестные с улицы нагло забарабанили в окно.

У калитки группировалась стайка граждан очень солидного вида со строгими физиономиями. Своим торжественным и суровым видом они напомнили Виктору учителей на последнем в его жизни педсовете в седьмом классе, памятуя о итогах которого, Магницкий поспешил на встречу. Граждане заходили в сад по одному, старательно не замечая хозяйина, даже не здороваясь, следуя мимо, будто бы, ресторанного швейцара.

Только бородатый двухметровый учёный муж буркнул: «Зелёная комиссия».

Возглавляла комиссию измождённого вида дама со старомодной шишкой волос, закрученной на затылке, хранительница соседней Марьиной рощи. Она шла первой и была вроде завуча, прочие как бы школьными учителями, а сам Магницкий невест с чего завзятым двоечником, вызванным в учительскую.

«Страшно измучена женщина, – сокрушённо вздохнул Магницкий, – довели человека до ручки работой и комиссиями, вон какая худюшая, жёлтая кожа да острые кости. Траву гуляющие топчут, кусты ломают, скамейки переворачивают, бутылки пустые бьют. Эх, люди, люди, куда только милиция смотрит?»

Кроме учёного мужа хранительницу сопровождала сутулая гражданочка в тёмном, почти монашеском одеянии, с потаённым взором, который она стремительно метала в разные стороны и тут же прятала. По левую руку от главы комиссии шествовал представительный гражданин районного уровня в сером кабинетном костюме. Ещё двое помельче калибром толклись сзади него, держа в руках блокнотики.

В саду Магницкого хранительница быстро пронеслась туда-сюда мимо развалин теплицы с обрушенными рамами, лицо ее при сем из раздражённого превратилось в грозное.

– Пишите, – ткнула пальцем бородатому учёному мужу в блокнот. – Сад находится в запущенном состоянии! Требуется срочное вмешательство муниципальных органов.

– Извините, но мне ничего не требуется, – удивился Виктор.

– А вы здесь, собственно, кто такой? – воскликнула остроглазая гражданка в монашеском одеянии, вполне искренне удивляясь странному явлению неизвестного лица в неполюбованном месте. Возможно, даже под её собственной кроватью.

– Владелец.

– Вы владелец дома, но не земли, – пренебрежительно глянула на его ботфорты хранительница Марьиной рощи.

Ей поддакнул мужчина в сером, с юридическим складом губ:

– По российскому закону к дому относится лишь две сотки земли, остальное пребывает во временном пользовании. Если мы установим над садом муниципальный патронаж, на это будут выделяться деньги, ограду между ним и Марьиной рощей уберут, «Зелентрест» начнёт ухаживать за растениями, производить своевременный полив, агротехнические мероприятия.

– Да разве это сад? – ужаснулась звонким голосом гражданка в чёрном. – Плохо, плохо, никуда не годно! Срочно отрезать!

Вот народ! Им бы только чужую ограду прищучить за здорово живёшь!

– Забор – моя частная собственность, попрошу оставить его в покое. И сад вполне густой и зелёный, ни одной проплешины не найдёте. К тому же, насколько я слышан, в муниципальном бюджете нет денег на поддержание Марьиной рощи в надлежащем виде, от чего значительная часть её территории отдана под застройку элитных домов.

Бородач колупнул траву ботинком:

– Мы с вами не собираемся дискутировать. Надо будет вынести решение о сносе забора и проведении агротехнических мероприятий в целях поддержания ландшафтной ситуации – вынесем, вас не спросим.

– Совершенно верное замечание. А слева от дома нетрудно выделить место на дорогу к объектам, – обнаружил своё постановление мужчина в сером, глядя на часы и переживательно морща щёки. – Она не займёт много места, зато транспорт не будет ездить по Марьиной роще.

– Вы наследник владельцев сада? – быстро спросила хранительница, мельком измерив длину лица Виктора и ширину плеч.

По тому, как вдруг стихли разом члены Зелёной комиссии, ему открылась стратегическая важность вопроса. Решалось главное. Ответит правильно – сад останется за ним, промахнётся – и забор сломают, уберут, и землю по самый порог отрежут, и даже его собственный нос не медля сопрёт сутулая гражданочка в чёрном платье своим острым, как бритва, взглядом.

– Естественно наследника, более того – прямой, – Магницкий нашёл в себе силы весело заглянуть в лица всех членов комиссии по очереди принципиально интеллигентным взором человека, с детства долбавшего собачий вальс по расхристанным клавишам комнатного рояля Шредер, с выражением, которое, судя по фотографиям, было присуще покойному владельцу Генрику Войцеховскому.

Хранительница вдруг потрогала какой-то убогий листочек на ветке и сказала, оттаяв:

– Амурская сирень. Это мы с Генриком садили.

От неожиданной радости Виктор чуть было не поддакнул: «Да, как же-с, помню, помню!» – но лишь кивнул головой и погладил соседнюю корягу, что произвело самое благоприятное впечатление.

– Ну вот, товарищи, вопрос, как видите, спорный, юридически не урегулированный, мы, как всегда, теряем время.

Широким размашистым шагом она ринулась к выходу, спеша на свой нескончаемый фронт работ, схожий с непрерывным подвигом длиною в жизнь, за ней устремились расстроенные сопровождающие, елеинным хором бубня в спину нечто, каждый по своей тематике, пытались убедить остаться и разделить садик между ними всеми по-хорошему и по-братски.

Неистово мечтала от имени и по поручению городских мичуринцев о магазинчике «Семеновод» потаённая гражданочка в чёрном. Из её сбивчивой речи следовало, что поголовно вся городская общественность с молодых ногтей мечтала о торговой точке, построенной на территории данного земельного участка, и в доказательство потрясала заблаговременно подписанными той общественностью листами.

Похожий на кубинского революционера бородач громко басил про расширенную заповедную зону, которая случится сразу же, стоит опрокинуть забор, но, понимая, что через других юрких соискателей ему до локтя хранительницы не добраться, остановился и принялся объяснять оказавшемуся под рукой Магницкому, как хорошо тому станет жить непосредственно в Марьиной роще, на просторе. Понимания и здесь не нашёл.

Отбив атаку зелёных, Виктор с утроенной энергией накинулся на полки, сгоряча быстро доделал их, расставил книги, после чего некоторое время бродил по кухне в поисках чего-нибудь съедобного, обшарил кладовку, слазил на чердак, увы, безрезультатно.

Смутное подозрение не давало покоя.

Комиссия оставила его сад в покое сразу после того, как он при всех объявил себя родственником прежнего хозяина Войцеховского. Значит ли это, что теперь для поддержки легенды ему необходимо будет и впредь сказываться поляком?

Фамилия вроде бы позволяет. Если в метриках на месте родителей стоит прочерк, чего так пекся о неведомой национальности? Поляком так поляком. Да хоть индусом зовите, только жить не мешайте.

Виктор завалился на детский диванчик, скрючившись с карандашом и листом бумаги, в глубине души сознавая всю торжественность минуты: наконец-то начинается его новая интеллектуальная, почти что творческая деятельность, о которой долго и безнадежно мечтал, таская в носилках раствор на стройке Жаркова.

Структура базы данных по квартирам была практически полностью готова, когда до него дошло, что кто-то тихо копошится у него на кухне. Входную дверь Виктор оставлял распахнутой, чтобы помещение проветривалось, только поздним вечером закрывал от комаров.

– Это хтой-та там мнётся? – придуриваясь под Маврикиевну, проскрипел Магницкий.

– Казимировна... – раздалось с кухни, – Казимировна, не займёшь чуток?

На кухне возле русской печи обнаружилась ритмично качающаяся фигура седовласой особы пенсионного возраста, с короткой стрижкой под полубокс, строгим ахматовским профилем и сухим малиновым румянцем, пылающим на морщинистых, как мочёные яблоки, щеках.

Не распознав в нём никого из прежних благодетелей, незнакомка отвела бессмысленный взгляд в сторону, после чего по всем правилам представилась:

– Чертёжница Савраскина. Маргарита Сергеевна. Прошу любить и жаловать, – при этом слегка уронила голову на грудь, что заставило предположить, что среди её предков затесалась пара-тройка подпоручиков, а может, и какой-нибудь повеса штабс-капитан.

– Мне бы Казимировну. По случаю большой нужды, ой, что это я сморозила, миль пардон, по случаю большой надобности, по очень важному делу, – в сильно выцветших, опухших глазах мелькнула некая осмысленность, – да, да, иных уж нет, а те далече, как говорится. Стало быть, вы здесь теперь проживаете, молодой человек? И не смейте мне отпираться, я знаю.

– Не проживаю, сударыня, а живу на правах собственника, могущего данный дом заложить, продать и даже подарить, если взбредёт в голову такая мысль.

– Ох, не продавай, не надо, – вздохнула чертёжница. – Мы тут по соседству маемся в казённом бараке, как в содоме и гоморрах. Не нальёшь, мил человек, старухе за помин души Казимировны, царствие ей небесное, день ведь и ночь молюсь, в церкви свечи ставлю каждый раз за упокой. Казимировна мне всегда наливала.

Магницкий слегка удивился, что старухе известно про его бутылку и тем более жарковский коньяк.

– Всё, бабушка, выпили, подчистую.

– И в подполье четверть тоже? – помрачнела чертёжница. – В подполье Казимировна четверть держала для нужных людей.

По тону старухи Савраскиной нетрудно было догадаться, что она принадлежит к избранному кругу.

– Давайте поищем вместе, где здесь у меня подполье.

Савраскина пнула в сторону резиновый коврик у входа, дёрнула за железное кольцо. Не успел Виктор опомниться, солдатиком прыгнула в открывшийся лаз, а через мгновение выпрямилась в обнимку с бутылью, в киношном обиходе называемой четвертью, какую он до сих пор видел исключительно в советских кинофильмах про гражданскую войну.

Именно из подобных сосудов пили самогон разные там мосфильмовские кулаки, мироеды и прочая поповская сволочь. Вот уж не думал, что буржуазная стеклотара, как древнегреческая амфора, дожила кое-где до наших дней и в реальном быту.

Возгорев любопытством, Магницкий тут же наплескал в два стакана из четверти Савраскиной и себе. Самогон оказался не только мутным, но ещё и горько-кислым, противным до чрезвычайности. Судя по всему, его гнали из отборных мухоморов. Однако соседка отважно влила в себя содержимое одним махом, выразительно шлёпнув пустой стакан на стол перед бутылью.

– Знаете, что? – предложил с лёгким сердцем новый хозяин. – А забирайте-ка вы этот напиток богов на добрую память о Регине Казимировне.

– Между прочим, – страшно вежливо выговорила в ответ Савраскина. – Как-то так получается, что в этом доме живут исключительно добрые, отзывчивые люди. Душа-человек Казимировна жила столько лет, теперь вы вот поселились. Вам ничего не нужно начертить? Для меня это не составит ни малейшего труда. Без ложной скромности говоря, я от... личная черт... ёж... ница. Если возникнет необходимость, прямо завтра же приходите, моя квартира третья, на первом этаже, я там потомственно всю жизнь терзаюсь.

Он закрыл дверь на крючок. Тёплая летняя ночь, населённая толпами комаров, сгустилась за окнами, в доме запели сверчки.

Первое время поющие насекомые настолько мешали ему спать, что среди ночи он вскакивал с постели и открывал на них нелегальную охоту. Музыкантов было много, а палач один, в конце концов пришлось смириться и привыкнуть спать под музыку. В такую хорошую погоду, как сегодня, сверчки пели даже на улице: вылезали из отдушин подполья на тротуар, где самозабвенно стрекотали на вечную тему любви.

В довершение ко всем этим оркестрам, квартетам, дуэтам и трио, под кроватью жил некий особенный сверчок, обладающий выдающимся противным голосом, близким к ультразвуку. Магницкий полагал, это их новоявленный Карузо.

Солист включался в общий хор не часто, обычно вечером, всегда из-под кровати, сразу же заглушая трелями многочисленных собратьев. Бесстрашный певчий абсолютно не реагировал на нервные удары пяткой по спинке, очевидно, воспринимая их в качестве «брависсимо», и за прошедшие полтора месяца перепортил новому хозяину своим неувядаемым искусством много крови. Однако следует отдать ему должное – ночами препротивный Карузо молчал.

Решение ещё раз попробовать изловить негодяя проникло в голову сразу же после стакана самогона из мухоморов. Не зря викинги так любили воодушевляться перед битвой подобными коктейлями.

Магницкий опустился на четвереньки в головах постели, откуда доносились неугомонные трели, осторожно извлёк плетёный рундучок, ржавый утюг, перевязанный пенькой пыльный комплект журнала «Юность». Сверчок трещал, хоть бы хны, делая редкие многозначительные перерывы. Виктор полез дальше в пыль, мрак и неизвестность, увидел допотопный чёрный телефон с длинным шнуром, потянул к себе за шнур, и тут вдруг телефон застрекотал голосом сверчка у него под носом, почти на уровне ультразвука.

Он снял трубку.

– Алло, пани Режина? Наконец-то, звоню, звоню каждый день и с утра, и вечером, уж подумала – не случилось ли чего?

– Это не пани Режина.

- А где Регина Казимировна?
- Умерла.
- Ах, matka боска, какая жалость. Когда? Видите ли, я её давняя знакомая, и мы...
- В ноябре прошлого года.
- В ноябре... вот ведь беда какая. Какая ужасная трагедия. Уму непостижимо. Вы, стало быть, родственник?
- Дальний...
- И как вас зовут?
- Виктор.
- Меня пани Марина.
- Очень приятно, пани Марина, – Магницкий поднялся с колен, выпрямился и выразительно шаркнул по голой половине.
- Вы родственник со стороны мамы пани Режины – Терезы?
- Нет со стороны папы, – возразил Виктор убеждённо с грустью в голосе, дабы покончить со скользкой темой раз и навсегда.
- Так значит вы из Пеньковских? – обрадовалась старушка. – Пан Виктор, я очень надеюсь, что вы посетите нашу польскую общину, будет хорошо, если в это воскресенье придёте в костёл.
- Я убеждённый атеист, пани Марина.
- Не всё сразу, молодой человек, и тем более не сразу всё. У нас здесь множество молодёжи, юных прелестных панночек, вас ждут до чрезвычайности интересные знакомства и приятное общение.
- Увы, бесповоротно женат.
- Это ещё лучше, приходите с женой. Кстати, для детей у нас открылась католическая гимназия. Дети у вас, пан Виктор, есть?
- Нет пани Марина, а с женой я не живу, хотя и не разведён.
- Ах, проказник! Но это свойственно современному поколению, а молодым людям было присуще всегда, не стоит винить себя одного. Ничего страшного, если брак заключён не пред богом, его легко расторгнуть при желании, даже если вы сочетались перед Всевышним и несчастливы, мы напишем просьбу папе, вы же знаете, он наш человек, поляк, неужели откажет?
- Нет, нет, брак обычный, в загсе.
- Так вот, пан Виктор, у нас есть очаровательные молодые девушки, ах, увидев их, ваше сердце встрепенётся для новой жизни.
- Хорошо, как-нибудь забегу, встрепенусь. Спасибо за приглашение, пани Марина, извиняюсь, ко мне, кажется, пришли.

При этих словах опустил трубку и поставил телефон на стол. Теперь ему ясно, отчего в почтовом ящике как-то оказалась квитанция за телефон. А он-то думал, ошиблись. Где же она? Вот, на буфете. Ага, здесь и номер указан. Надо срочно оплатить, пока не отрезали, сумма долга пока не слишком большая, но где взять денег? Извечный вопрос.

Настроение резко пошло вверх: теперь он обладатель не просто дома в центре города, но к тому же и с телефоном! Если бы продавцы знали про этот прибор под кроватью, несомненно, подняли бы стоимость миллиона на два-на три, и он не смог бы купить своё нынешнее жилище. Ай да пан Виктор, ай да сукин сын!

7. Лезь, сынок, там твоя законная жилплощадь

Утро как утро.

Вылил по ведру воды под уличные кусты черёмухи, калины, рябины и сирени. Все они прекрасно принялись, сирень даже пробно выпустила игрушечные соцветия.

Дождавшись, когда Тамара отмахает пёстрыми гетрами среди крапивы пируэты аэробики, стащил с чердака шезлонг, выбил несколькими меткими ударами пару килограммов пыли, после чего разлёгся на затхлой парусине, принимая солнечные ванны одну за другой.

Мечты о свободном творчестве не только сбылись, но превзошли самые смелые ожидания. Рядом чашка горячего чая, заваренного из листьев смородины, по фарфоровой тарелочке разложены в правильной геометрической форме сухарики из остатков жарковского хлеба.

Соседский дом бубнил что-то невнятное. Похоже, ночью там недурно повеселились, опустошив подпольную четверть, и в этот утренний час силы граждан были на исходе, но, как видно, не у всех.

Шум поднялся вдруг и сразу:

– Открой, мегера проклятая! – выкрикнул сын старухи Савраскиной Пётр, которого соседи звали просто Пьером, тоном человека сильно выпившего, но ещё могущего многое свершить. – Открой дверь сейчас же, не то хуже будет... Ну, смотри, довела ты меня, стерва!

Было слышно, как Пьер бьётся тщедушным испитым телом в дверь квартиры.

Разжевав сухарь, Магницкий поднялся, чтобы отыскать себе другое пристанище, где не были бы слышны эти щемящие душу звуки, сходные с мявканьем кошки, попавшей под тяжёлую хозяйскую ногу.

– Кончай шубутиться, Петро, – сказал кто-то спросонья, – опять ключицу сломаешь.

С дорожки, ведущей к малиннику, открывался вид на жену Савраскина Наталью, стоящую перед распахнутым окном второго этажа в позе воительницы со скрещёнными на груди руками. Весь её вид говорил о глубоком презрении к супругу и неверии в его физические способности.

Сама она была весьма невысокого роста, хрупкой женщиной лет тридцати пяти, с блёклым, одутловатым от пьянки лицом, растрёпанными волосами и цвета и вида гнилого сена.

Пьер так сильно ударился телом в привыкшую к подобным штурмам дверь, что застыл уже совсем трезво.

– Ну, всё, – сказал вдруг он голосом человека, решившегося на страшное преступление, – я тебя предупреждал, теперь пеняй на себя!

С этими словами перенёс лестницу от сарая к дому и полез вверх, вызвав своим поступком шумное одобрение соседей, которые открыли окна и с удовольствием наблюдали за ходом семейного единоборства.

– Не лезь, поганец, убью, – предупредила супруга хмуро. В её руке неожиданно возник топор.

В окне-двери слева от квартиры Савраскиных стоял бравый мужчина лет сорока, с холёным, чисто выбритым лицом, в малиновом атласном халате, из-под которого виднелась десантная тельняшка.

Он расчёсывал вьющиеся короткие кудри массажкой, одним глазом глядя в зеркальце, другим наблюдая за развитием событий. Согласно Тамариной аттестации звали его Василием, был он отставным армейским капитаном, сдававшим московскую наследственную квартиру в аренду. Столичный доход позволял ему жить в свое удовольствие нигде не работая, но меняя дам каждую неделю.

– Женщины, как власти, – недовольно высказался Василий, – обещают и не делают, – после чего сошел на пристроенный к окну-двери балкончик, к которому с земли карабкалась крутая лесенка из свежеструганных досок.

Наталья выглянула из окна в его сторону, погрозив орудием домашнего производства.

– Ну, ты, лицо московской национальности, погавкай мне ещё здесь!

Пьер бодро влез на первую перекладину и остановился передохнуть.

– Не посмеет, – быстро выкрикнула старуха Савраскина из форточки в лицо засомневавшемуся было Пьеру, – лезь, сынок, там твоя законная жилплощадь. Если что случится, не бойся, я её упеку, куда Макар телят не гонял! Нахлебается тюремной баланды, – старуха Савраскина причмокнула, – всласть! Лезь, не трусь!

Пьер отчаянно рванулся вверх, и когда его рыжая чёлка достигла подоконника, жена нанесла решительный удар топором в лоб. При полном онемении окружающих сын своей матери и муж жены мешком свалился наземь.

– Вот бы власти так, что обещали народу, то и делали, – резюмировал малиновый халат, проследившая траекторию падения, однако при этом не слишком выходя наружу из своего «окна».

– Врача!

– Милицию!

Но всё перекрыло громкое: «Убила!» – вопль старухи Савраскиной, стремительно вылетевшей из дома. Она даже влезла по стопам сына на одну ступеньку лестницы, где только что сомневался Пьер, и Виктор увидел над забором её седую голову и малиновое лицо.

– Не лезьте, мамаша, и вас порешу, – бесстрастно произнесла сноха, медленно выговаривая каждое слово и не выпуская из рук топора, – с превеликим удовольствием!

Она думала, что видит сон, где можно делать всё что угодно с надоевшими родственниками.

Вой сирен раздался не скоро.

Милиционер пришёл сам, пешком, скорая приехала минут через двадцать. Пьера Савраскина в это время уже привели в чувство соседи, они же перевязали голову несчастного, от которой супружница смогла отрубить лишь небольшой кусочек скальпа.

Врачи забрали Пьера с собой на исследование в качестве феномена, не сменив героической повязки. На виске проступило красное пятно, вид был залихватский, будто у красного командира. Время от времени он пытался запеть «Ты не вейся, чёрный ворон, над моёю головой». Соседи громкими выкриками из разных окон начали давать показания милиционеру, который монотонно твердил: «Спокойнее, граждане, спокойнее, всех опрошу в порядке следствия...».

Доска забора качнулась в сторону, пропуская в сад тамарину дочь Ирину, учащуюся железнодорожного техникума. Обычно Магницкий видел её загорающей на подоконнике второго этажа в откровенном купальнике, с книгой в руках. Сине-фиолетовые большие глаза на треугольном лице с маленьким подбородком выглядели не слишком взволнованными.

– Не дают отдохнуть, дурдом какой-то, ей-богу, я тут у вас часик позагораю на солнышке, ладно?

– Как там Пьер?

– Чего пьяному сделается? Он же лёгкий, как пушинка. Повисел на топоре, да вниз упал. Вот соседи, вот где дурак на дураке едет, дураком погоняет. Надоели до чёртиков, кончу техникум, ноги моей здесь не будет. О, кстати, у вас же две комнаты?

– Две комнаты и кухня, – расхвастался Магницкий.

– Пустите, дяденька, на квартиру. Не пью, не курю, деньги платить буду исправно, со стипендии.

- Не пушу.
- Почему? Мне уже девятнадцать лет, совершеннолетняя.
- Хочу один жить. Коллектив надоел.
- У вас, наверное, есть женщина, – обиделась Иринка, – она приходит к вам в темноте и уходит перед рассветом. Я знаю, это любовница. А кстати, она, случаем, не замужем?
- Нет, она приходит с утра пораньше, а уходит ровно через двадцать минут, напрыгавшись вволю, вот здесь, на полянке, и это, кстати говоря, твоя родная мамаша.
- Мамашка не считается.
- Мне пора на работу. Ты загорай, если хочешь, потом шезлонг спрячешь за тем углом дома, в крапиве.
- Ладно. Уберу, не сомневайтесь, – Иринка уселась. – Конечно, старуха, поди, какая-нибудь ходит, лет тридцати пяти, – и высунула язык.

8. Такие женщины всегда всем нужны

За тем самым компьютером, который Виктор мысленно уже выбрал себе для работы, сидел Саня Деревянкин, напряжённо моргая в экран.

Совсем как в старые времена, когда работал на ВЦ дни и ночи напролёт системным программистом.

– Саня, какими судьбами?

– Ой, и не говори.

Саня мог не говорить, про него Магницкому и без того известно многое. Встречаясь со знакомыми, люди первым делом обменивались информацией, чего новенького выкинул Саня, его знала добрая половина города, и если бы он был политическим деятелем, то не сходил бы с первых полос газет, легко выигрывая любые выборы.

Днями и ночами ему звонили за бесплатными консультациями, иногда воровали, как невесту, и увозили куда-нибудь в Академгородок, где учёные системщики не могли преодолеть очередной затык в UNIXe.

Потом на смену старым добрым машинам пришли настольные компьютеры, где системщику уже негде было развернуться. Ах, как Саня ругался на этот срам, на котором мог работать любой человек с улицы. Он так и остался знатоком RSXa и UNIXa. Когда Союз отменили, Саня ещё некоторое время работал то в одной конторе, то в другой, трудился даже на московскую фирму, обеспечивающую нефтепровод на Каспии, потом вдруг забрал семью и уехал в деревню, где, по слухам, стал простым кочегаром и скотником. А вот теперь снова здесь.

– Рад видеть тебя. Чем занимаемся?

– Так это... Ольга озадачила перевести базы данных для задач с СМ-ки на персоналку. Осталось часика полтора работы.

Под чёрными цыганскими глазами Сани чёрные круги, портрет довершает чёрная густая борода, многократно закрученная на палец и торчащая в разные стороны.

Часы показывают пятнадцать минут десятого, начальство задерживается.

– Сейчас всё получится, – произнёс Саня голосом заклинателя змей, – спорим на булочку с маслом?

– У тебя есть булочка?

– У меня нет. Но Ольга придёт и притащит пирожков или булочек. Могу поспорить на что угодно, что сейчас файлы наконец-то реформировались, – он выскочил из двери машинного зальчика с дискетой в руке и плюхнулся в кресло за компьютер. – Ну как, спорим?

– Спорим, – без особого энтузиазма согласился Магницкий.

Булочкой больше, булочкой меньше... и надо же хоть чем-то поддержать трудоголика.

– Блин-компот! Что за белиберда? Ни черта не понимаю, – дрожащими руками Деревянкин достал сигарету, сунул в рот.

– Шёл бы ты домой, пообедал, выспался. После ночи ничего не придумаешь – заиклился.

– Наоборот, сейчас нельзя прерывать процесс.

Откинувшись в кресле, Саня с интересом наблюдал люстру, где, по всей видимости, с ночи застряла парочка любопытных идей по поводу того, как от формата СМ-ки перейти на формат персоналок и перекачать с магнитных лент на дискетки злосчастную базу.

– Ах вот оно что, вот где собака зарыта! – дернул кассету и одним прыжком исчез в тёмном провале машинного зала, как рвущийся в бой десантник в самолётном люке, начав на парашют.

– Где тут собака зарыта? – в комнату вошла Ольга, таща большой пакет.

– Там, – указал Виктор на дверь, за которой только что пропал системщик. – Вторые сутки не можем откопать. Гвардия погибает, но не сдаётся.

– Все здесь, работники, а я забежала по пути в сберкасса. Что-нибудь удалось сделать за ночь?

– Сейчас будет видно, – Деревянкин уже сурово зрил в экран. – Пока под большим вопросом, понимаешь, тут такая штука... ну, в общем, долго рассказывать...

– Давайте поставим чай? Виктор Фёдорович, принесите водички. Кстати, как у вас дела?

– Как всегда отлично.

В коридоре свет не горел, то ли решили сэкономить на электроэнергии, то ли на электрике, скорее, последнее. Приземистая фигура переходила от дверей к дверям, вглядываясь в таблички с названиями фирм.

Кого здесь выискивает жук Котомкин, могильщик малых ЭВМ?

– Не подскажите, где найти фирму «Информ-Бюро»?

– А зачем тебе, старый алкоголик, данная фирма?

– А... это ты. Как здесь?

– Не видишь? – Магницкий потряс чайником у приятеля перед носом. – Работаю.

– Это кстати. Мне нужна Ольга Дальская.

– Она всем нужна. Такие женщины всегда всем нужны, но не всем достаются.

– Кто-то ещё спрашивал?

– Просто валом прут с утра, и всем срочно директора подавай.

Котомкин пришёл в нетерпеливое движение, пытаясь почесать левое ухо правым плечом, лицо его отразило невыразимое страдание от невозможности таких в сущности простых вещей.

– Вот чёрт, как бы не перехватили, – буркнул он и заспешил в кабинет.

Ольга тотчас отвела Котомкина в маленький зальчик, где в темноте и прохладе под шум кондиционеров весело подмигивала лампочками морально устаревшая СМ-ка, не подозревающая о своей скорой кончине.

Для Виктора прояснилась причина явления Котомкина и того, зачем здесь днюет и ночует Саня, всё связано в один узелок. Оставшиеся задачи перебрасываются на персональные компьютеры, морально устаревшую машину списывают, золотоносные платы продаются Котомкину, который сбывает их по своим каналам братьям-армянам. Это небольшое Эльдorado перестроечных времён, армянское Эльдorado вкупе с котомкинским. Маленький бизнес маленькой страны. Но у Котомкина с Ольгой что-то не получилось, или, как говорил орденоносец «Дружбы народов» штандартенфюрер Штирлиц, что-то не срослось. Они вышли из машинного зала взаимно недовольные друг другом.

– Если надумаете, звоните, это реальная цена, – Котомкин затоптался на пороге, снова попытался достать левым плечом правое ухо, однако Ольга уже находилась возле Сани и смотрела только на экран.

– До свидания, – с нескрываемой горечью произнёс Котомкин, подозревая, что его обскакали конкуренты.

Возможно, и не без основания. Ольга не только красивая, но умная дама, к тому же с характером, на мякине её не проведёшь.

– До свидания, дружище, – произнёс сочувственно Виктор. – Да ты заходи просто так, не забывай. А то оставайся чай пить.

Но тому надо было спешить в другое золотоносное место, не то и там обскачат конкуренты.

Саня даже не заметил гостя, бегал от СМ-ки к персоналке заполошенной курицей. Незажжённая сигарета по-прежнему торчала во рту. Виктор потихоньку формировал струк-

туру базы данных. Написать простенький интерфейс, наполнить её информацией да начать настоящую работу, приносящую деньги. Идеальная жизнь близка, как никогда.

Ольга высказывала свои соображения Деревянкину, Саня мало внимал её советам, отмахивался. Вот затих на стуле, опять возведя глаза к потолку, как святая дева, которой только что обещано непорочное зачатие:

– Всё, братцы, если сейчас не пройдёт, пойду домой к детям, а то меня жена убьёт... Ура! Сформировалось, наконец. Ольга, проверь.

Ольга подсела на стул рядом, они начали разбираться – сколько и каких записей очутилось в файлах.

Итак, чудо свершилось.

– Сегодня как знала, что у нас будет праздник по поводу счастливого переноса информации, принесла домашней наливки.

– Ух ты, здорово!

– Ещё пирожки, помидоры, масло и шпроты. Крендель с изюмом.

– Крендель? Это хорошо, – сказал Саня, – а с маслом ещё лучше. В деревне я к салу привык. Лук, сало, ржаной хлеб, ну, картошка варёная, больше ничего не надо, самогонка ещё, конечно. Правда, от самогонки мозги плавятся. Спирт в этом отношении много лучше, нет сивушных масел, сами понимаете.

Ольга накрыла стол бумагой, налила чай и сделала бутерброды.

– Мне покрепче, в кочегарке привык чифирить. Виктор, у тебя нет случайно пары миллионов, чтобы изобретение запатентовать?

– Совершенно случайно при себе нет. Инновации вообще не мой бизнес.

– Понятно. Есть идея программы-свёртки любой информации по геометрической прогрессии. Сначала очень быстро, в два раза, потом помедленнее, ещё в два раза, и так до нужного пользователю размера. Конвертация пространства во время. Идея простая, как... – Саня взглядом обследовал обеденный стол, – как варёное яйцо.

Магницкий следом за Ольгой тоже внимательно осмотрел стол. Никаких яиц, к сожалению, не обнаружилось.

– Идея лежит на поверхности, народ ходит вокруг, об неё запинается, поэтому хочу сначала запатентовать, а для этого требуется два миллиона.

– Понятно, но у меня, к сожалению, нет

– Да, сумма приличная. Тогда пойдём покурим.

– Не забудь, Саша, что тебе к семье пора, – напомнила Ольга.

– Помню, помню. Ещё чуть-чуть поговорим, и пойду. Куда же я от них денусь?

В мужской курилке они долго обсуждали свёртку информации.

– Слушай, – занялся под конец Деревянкин, – не в службу, а в дружбу, проводи до трамвайной остановки. Ночью крыша слегка поехала, чего-то ужасно боюсь переходить через дорогу. Уверен, что собьют.

– Хорошо, что сказал, идём.

Дорогу перешли на зелёный свет, но при этом их чуть не сбила свернувшая не по правилам машина. Саня многозначительно глянул на Магницкого, намекая, что предчувствием пренебрегать нельзя, сел в трамвай и уехал, Магницкий благополучно вернулся на рабочее место.

Разложив на столе бумажки с архитектурой базы данных, он шаг за шагом создавал её, чувствуя себя немножечко господом богом в день первый.

– Котомкин за платами от СМ-ки приходил?

Ольга кивнула и нахмурилась.

– Пусть мы в лежащем положении, но ещё не падаль. Предложил тридцать тысяч за грамм, да не он один занимается скупкой, сейчас надо позвонить ещё в два места, пусть придут, посмотрят и забирают. У тебя что-то получается?

– Продвигаемся понемногу.

Весь день у них гости, по делу и без оного. То люди в солидных пиджаках и галстуках, то чиновники – проверяющие, то бывшие сотрудники и сотрудницы забегают по старой памяти, но больше всего разносчиков всяческих товаров от расчёсок и заколок, мыла и колготок до гербалайфа, пищевых добавок и лотерей с многомиллионными выигрышами, чаще всего это тоже старые знакомые.

После обеда бывший электрик Андрей притащил огромную клетчатую сумку, набитую доверху, и на правах бывшего сослуживца развернул рекламную акцию для одежды пошива Ивановской фабрики, где работает его тётка.

Пиджаки, костюмы, платья – чего только не напихано в эту передвижную лавку. Выпив чайку, он с воодушевлением приступил к делу, начав со странного вида пиджака, уверяя, что вещь создана исключительно на чудесную фигуру директора, необыкновенно ей гармонирует, в общем, будет сидеть как влитая, радуя глаз окружающих. Ольга стеснённо посмеивалась и примерять согласилась не сразу:

– Да мне не подойдёт ничего, Андрюша, – оттолкнула свёрток, который, пыхтя и охая старой бабкой, тот вытащил из самой глубины сумки-склада.

– А кто тебя просит покупать? Разве мне нужны чьи-то деньги? Господи боже мой, да ты примерь только, примерь к лицу, а вдруг красиво? Это же чисто эстетическое удовольствие – примерять красивую одежду.

Ольга натянула косматый пиджак, похоже, сшитый из красного верблюжьего одеяла.

Виктор тактично отвернулся к экрану.

Андрюша пришёл в невероятный восторг, чуть по полу не пополз, предлагая ей руку и сердце, чем здорово испортил настроение Магницкому, затем, получив отказ, принялся уверять, что любой нормальный мужчина на его месте сделал бы то же самое, потому что устоять нет никакой возможности, как только видишь даму в этом шикарном клубном пиджаке. Он призывал Виктора подтвердить его правоту, однако тот продолжил сосредоточенно трудиться. Вкус его, по мнению коробейника, окончательно и бесповоротно испорчен социалистическим реализмом.

Кончился импровизированный базар тем, что, прилично закусив, напившись чая и даже пропустив рюмочку из остатков наливки, но ничего никому не всучив, Андрюша собрал свои манатки, разбросанные по столам, ещё раз на прощание подбрасывая каждую в воздух, помяв, пошуршав, подсунув Ольге под нос, и только после этой процедуры спрятал товар в бездонном чреве сумы.

– Да, – продолжил неунывающим тоном, – дела идут, контора пишет, рубль отдадут – два запишут. Вот не знаю, где бы сегодня, братцы, переночевать. У меня срок аренды кончился за комнату, – вопрошающе глянул на Ольгу, потом на Виктора, – ...придётся в пригород катить, к двоюродной сестре, далеко... мм... неудобно. А придётся. Ладно, пошёл я! Чао!

Магницкий посмотрел на часы. Пожалуй, и ему пора. Занятие со Стасиком начиналось в пять часов, доехать можно и за пятнадцать минут, а можно и за сорок, как повезёт с троллейбусом, поэтому собрал бумажки в стопку, выключил компьютер.

– Уже? – насмешливо заинтересовалась Ольга.

– Начальникам всегда кажется, что подчинённые рано уходят со службы. Надо подработать немного на ужин.

– Будешь пилить дрова старушкам?

– Шутить изволите? Такой лёгкой работы нынче днём с огнём не сыщешь.

Дверь на этот раз открыла Анна Георгиевна.

– Стасика нет, но он скоро придёт, пройдёмте на кухню, Виктор Фёдорович, будем пить чай.

Анна Георгиевна с восторгом рассказала о своём недельном отдыхе, о потрясающей грязелечебнице, буквально поставившей её на ноги.

Кухня выглядит симпатично, на стенах повсюду цветы, искусственные и настоящие, гарнитур светлых тонов, тоже миленький. Сразу подумалось, что у него такого ещё долго не будет, может быть, и никогда. За приятной беседой скоротали полчаса, когда Анна Георгиевна проявила первые признаки беспокойства.

– Где же это он, а? Обещался прийти вовремя, вот ведь негодник.

Она вопрошающе глянула на Магницкого, как на знатока детских душ, коему известно о подрастающем поколении много больше, чем ей, в ожидании ответа.

Магницкий скромно взял с огромного блюда домашнее печенье, откусил, с восхищением молвил, что давно не ел ничего более замечательного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.